СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

16+

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2018 | май

интеллектуальный диалог

ПОДСКАЗАЛ КЭФ

Менее года осталось до Универсиады, и последние наказы и пожелания хочется произнести — вдруг их всё же услышат те, кому следует, и успеют реализовать. Однако и новые задачи подоспели — их обозначил прошедший в апреле Красноярский экономический форум. О некоторых итогах и последствиях КЭФ тоже сегодня поговорим.

Даши Намдаков
ЧТОБЫ НЕ СЖЕЧЬ КОРНИ 12

Уважение к ремеслу — то, что мы, к сожалению, потеряли. Такая обида. Мне кажется, мы немножко больны, молодёжь наша... Не всем же быть банкирами, миллионерами. Кто-то должен и ремесло делать.

Ринат Резванов
ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО 6

Вариант с территориальным планированием — не самый благодарный, но самый интересный и, главное, рассчитанный на игру «в длинную» — его сложно бросить на четверти пути.

Илья Сураев
ЖДЁМ, КОГДА ВЫСТРЕЛИТ 18

Я всё ношусь с темой, что рано или поздно у нас должен выстрелить сибирский дизайн. Мне нравится то, чем занимаются молодые ребята на «Каменке», работы, которые они делают, причём в разных жанрах — канцелярия, одежда, украшения. Это может стать такой же фишкой, как скандинавский дизайн, который все знают.

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО
Фото с сайта krasnoforum.ru

КЭФ-2018:
попадание в яблочко

Полёт **в условиях невесомости**

«Какими предпринимателями будут нынешние школьники и студенты?» — тема одной из площадок КЭФ-2018. Участники её должны были обсудить массу вопросов, в том числе: какие меры помогут реализовать предпринимательские инициативы молодого поколения? Как подготовить молодого бизнесмена? Какие формы поддержки наиболее эффективны? Можно ли научить предпринимательству и в каком возрасте лучше начинать такое обучение?

По данным социологического опроса россиян в возрасте от 18 до 54 лет, 33 процента респондентов заработали свои первые деньги до 14 лет, а 43 процента — в старших классах. Умеет ли молодёжь решать сложные задачи в условиях «ограниченной видимости» (то есть ограниченных ресурсов)? Знает ли, как находить решения в условиях неопределённости, как ставить задачи, работать в команде, презентовать и продукт, и его потенциал?

«Современная экономика технологична. В последние годы принципиально изменились трудовые отношения — работник получил больший уровень свобод, ответственности, но в нашей стране это пока никак не поддерживается, в том числе и на нормативном уровне» (представитель Фонда «Центр стратегических разработок», редактор «Стратегии 2035» Василий БУРОВ, участник КЭФ-2018).

«Кристальный» бизнес

Пытаясь лучше понять, что знают о предпринимательстве современные школьники, я спросила сына (ему как раз 14 лет), знает ли он, кто такой предприниматель и что нужно для того, чтобы им стать?

Оказалось, что кое-какие знания получены восьмиклассником на уроках обществознания, и в целом у него есть представление о предпринимательстве: «Нужна идея, чтобы что-то производить или оказывать какую-то услугу, полезную другим людям. Надо очень хорошо изучить рынок. Но учитель нам рассказывала, что есть риски. Например, когда берёшь кредит или тратишь все свои сбережения на то, чтобы организовать дело. Вдруг люди не будут пользоваться твоим предложением? Тогда есть опасность, что не сможешь рассчитаться с кредитом, прогоришь. Я считаю, что это слишком сложно — подниматься с нуля».

Услышав вопрос, знает ли он успешных предпринимателей, сын пожал плечами (почему-то ни Павел ДУРОВ, ни Стив ДЖОБС не пришли ему в тот момент на ум, хотя знает о них, конечно!). И вдруг, смеясь, вспомнил, как один из его одноклассников, готовясь к химии, вырастил дома кучу кристаллов медного купороса (за это учитель должен был поставить отметку). Кристаллы получились такие большие и красивые, что, когда мальчик принёс их в школу, одноклассники, у которых этот опыт не получился, попросили «юного химика» с ними поделиться. Паренёк оказался смекалистым — предложил товарищам выкупить «сокровища Монтесумы». И несколько учеников вступили с ним в товарно-денежные отношения, страстно мечтая получить пятёрки по химии. Сделка состоялась! Позднее этот же предприимчивый молодой человек продал своему однокласснику неполный стандарт витаминов по цене полного, но это уже другая история. Вот оно — поколение Z!

Бизнес-ангелы

Что же говорили взрослые на площадке КЭФ, посвящённой подготовке будущих предпринимателей? В числе её участников как раз были успешные предприниматели. «Юноше, обдумывающему житьё, решающему, делать жизнь с кого...», сразу стало бы понятно: делай её, например, с товарищей Молчанова или Тертычного.

Но обо всём по порядку. Стоит ли во время учёбы в вузе развивать у студентов такие компетенции, как предпринимательство? Ответом на этот вопрос стало выступление ректора Норильского государственного индустриального института Дмитрия ДУБРОВА. Он рассказал о попытке создания бизнес-ангелов в его вузе, где студентам на время учёбы выдаются беспроцентные кредиты на развитие малых форм предпринимательства.

Дубров сообщил, что в 90-е годы вуз сильно поменял своё лицо — появились новые специальности. В институте уже много лет преподают частные предприниматели, а их работу финансирует муниципальное агентство развития предпринимательства. Студентов обучают нормативным документам, которые необходимо знать будущим бизнесменам. Слушателями программы дополнительного образования являются не только студенты, но люди разного возраста, они приходят за знаниями, хотят научиться ориентироваться в сфере бизнеса. Выпускники программы создают собственные проекты, и, по словам Дуброва, в Норильске заметен рост числа предпринимателей.

Интересен опыт Норильского государственного индустриального института ещё и тем, что почти все студенческие дипломные проекты — это готовые решения для бизнеса.

Обед с предпринимателем

Около 30 лет наше общество живёт при государственном строе, разрешающем частное предпринимательство. В течение последних десяти лет ФГБУ «Роспредприниматель» реализует в стране федеральную программу, направленную на вовлечение молодёжи в предпринимательскую деятельность. Заместитель директора этого учреждения Дмитрий ГЕРАСИМОВ озвучил на форуме статистику: «Исследование проводилось в 80 регионах страны. По оценкам учёных, от 5 до 12 процентов населения способны заниматься предпринимательской деятельностью. Все люди в чём-либо талантливы, но не каждый обладает способностью найти ресурс, создать продукт и продать его. Поэтому учить предпринимательству нужно не всех, а постараться выявить эти 12 процентов. Сделать это можно, например, с помощью тестирования».

Специалисты полагают, что людям, имеющим предпринимательскую жилку, как правило, нужен какой-то толчок.

«Для кого-то это просто обед с успешным предпринимателем, который расскажет свою историю успеха, а кому-то нужно помочь генерировать идею», — считает Д. Герасимов.

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 4 (66) от 21 мая 2018 г.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 9, каб. 4-21, т. (391) 206-53-35, e–mail: newspaper@sfu–kras.ru
Главный редактор: В.М. Ефанова // Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна // Распространяется бесплатно.

// Отпечатано в ООО «Флексопринт»
// г. Красноярск, Калинина, 106 г
// Подписано в печать 15.05.2018 г.
по графику — 20.00, фактически — 20.00
// Заказ № 40876/ Тираж 5000 экз. //

Стоит ли прививать способность генерировать решения и отвечать за их последствия со школьного возраста? По мнению Д. Герасимова — стоит, но система образования сейчас к этому не приспособлена, а учителя не мотивированы. «Педагоги экстраполируют своё отношение к жизни на учеников. Может быть, делать какие-то проекты для учителей, и если они осознают себя успешными, то начнут транслировать образ успешности и на своих учеников?» — предложил Дмитрий Герасимов.

Учить или не учить

Предыдущего оратора опроверг Александр МОЛЧАНОВ, вице-президент компании «Профессиональное электронное образование»: «Современная школа — это, на мой взгляд, вообще не про «учить», а способ жизни в жёстком производственном темпе. Это не про свободу выбора. И современный университет — про то же самое. Предпринимательство же начинается с того, что человек сам должен определиться с выбором и нести за него ответственность. Когда ученику это всё делать? Разве что в свободное от школы время... Жизнь показывает, что ребята начинают создавать свои первые предпринимательские проекты в 5-6 классах, например, играя в «Minecraft» и «World of Tanks», ведь в этих играх они занимаются прокачкой своего профиля».

Предпринимательству, по мнению А. Молчанова, в вузах учить нужно, но для этого следует отменить «классно-урочную» систему и совершенно по-другому выстраивать учебный процесс, тогда не будут уходить из университетов стивы джобсы и цукерберги.

«Мы знаем, что на Западе существуют предпринимательские университеты, где каждый человек повышает свою капитализацию через знания, — говорит А. Молчанов, — а наша нормативная база не позволяет сделать многое. Например, соорудили школьники замечательную поточную линию по производству пирожков и научились их продавать. Сколько налогов они должны заплатить? Имеют ли они вообще право делать такую линию? Может ли школьник привлекать инвестиции и на каком основании? А если он начинает использовать родительский ИНН, профиль и другое, то мы его, получается, со школьной скамьи начинаем приучать к серым схемам. Но разве это надо нашей экономике? Очевидно, что нужно создавать экосистему, поддерживающую предпринимательские инициативы. Какой она должна быть — внутри образовательных учреждений или вписанной в городскую инфраструктуру — вопрос пока открытый».

«Планы — ничто, планирование — всё»

— Надо ли учить предпринимательству в школе? Я бы сказала — это невозможно, поскольку школа и так перегружена, — поддержала Молчанова Ольга БРУСЯНИНА, начальник проектного офиса КГАУ «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес-инкубатор». — Скорее, школа могла бы помочь сформировать компетенции. Например, очень не хватает не только предпринимателям, но и большинству из нас такой важной компетенции, как долгосрочное планирование. Работая с представителями бизнеса и просто общаясь с людьми, мы заметили, что диапазон планирования у многих — примерно от одной недели до года в лучшем случае. Школа могла бы помочь сформировать мышление — инновационное, критическое, системное. И ещё: за пределами нашего поля зрения остались пенсионеры — люди, у которых достаточно свободного времени и накоплен определённый опыт. Может, стоит рассмотреть непрерывную систему обучения предпринимательству, затрагивающую все возрастные категории? Эта система могла бы вырасти в школьный или семейный бизнес.

Что касается пенсионеров, то в Красноярске, например, они очень активно создают стихийные рынки. Эти люди явно мотивированы на получение дополнительного заработка. Пенсионеры продают разносолы, сшитое и связанное своими руками. Одна женщина на таком уличном рынке неподалёку от моего дома постоянно торгует подержанными книгами, и, надо сказать, спрос на такое предложение неплохой.

Мнение эксперта

— Сейчас предпринимательство во всём мире, в том числе и в России, сопряжено с большим риском. И я не верю в так называемое пенсионерское начало, потому что люди в возрасте по природе своей консервативны, им не до рисков, — рассуждает основатель и генеральный директор интернет-сервиса «Telefacer.com» Глеб ТЕРТЫЧНЫЙ (по образованию экономист, выпускник РЭУ им. Г.В. Плеханова, 1997 г.). — Что касается эффективности обучения этому виду деятельности, то если ребёнок, взрослый, пенсионер или инопланетянин заработал деньги в процессе обучения — это действительно обучение предпринимательству. А если он просто заучил и сдал билеты экзаменатору, то это обучение только теории. Сами посудите: можно ли считать, что человек, прочитавший «Камасутру», знает секс? Конечно же, нет!

«

Однажды мы попытались обучить предпринимательству школьников. Это были дети из Новосибирской области и из самого Новосибирска. У первых карманных денег обычно 300-500 рублей в расчёте на неделю, а у вторых — от 3 до 5 тысяч. Первые начинали быстро зарабатывать, а городские ребята делали это лениво и без особого желания.

»

По большому счёту, во все времена предпринимателями становились «голодные» люди. Поэтому я не считаю, что можно массово научить людей предпринимательству, но вполне реально дать им некоторые полезные навыки, и для этого не обязательно нужны деньги. Что касается детей, то учить ребят надо на очень простых вещах — скажем, сделать простенькие группы «ВКонтакте». Они могут также получить примитивный предпринимательский навык и на сайте «Avito.ru».

Секреты мотивации

— Обычно дети просят: дайте нам ментора, наставника, человека, который мог бы помочь, подсказать что-то. Вот если бы такие люди шли сегодня в школы и в университеты, проще было бы мотивировать молодёжь. Мы должны использовать особенности поколения Z, их потребности в самореализации и признании. По-хорошему, надо всё-таки учить предпринимательству в школе, — высказывает свою точку зрения Александр РУДИК, председатель комитета по профессиональному образованию и подготовке кадров общественной организации «Деловая Россия». — Но это невозможно: кадры не те, да и, не дай бог, учитель сделает шаг в сторону — система всё контролирует!

Другая проблема — отсутствие моды на предпринимательские навыки в обществе. Представьте себе картину: каждый день, выходя из дома, родители идут мимо ларька, где сидит какая-нибудь тётя Глаша и торгует пивом. Кто она? Предприниматель. После этого будет ли у родителей желание, чтобы их ребёнок занялся бизнесом? Какие ассоциации у них в голове возникают? Нет ведь других примеров — ни Дурова, ни Джобса. Зато тётя Глаша — каждый день маячит перед глазами. Что касается мотивации у детей — они тоже видят эту тётю Глашу. А вот если бы в школу пошли и рассказали о своей работе успешные предприниматели — был бы стимул!

— В 2011 году студент вуза в Новосибирске открыл по городу шесть мобильных кафе-точек, о чём два года писали все газеты. После этого в вузе, где парень учился, ожило предпринимательство, — добавляет Глеб Тертычный. — Такое стало возможным именно потому, что студенты увидели «историю успеха» своими глазами и рядом с собой.

— В чём же проблема, почему предприниматели не идут «в народ»?

— На открытые уроки в школу скорее пригласят не предпринимателя, а почётного токаря, известного космонавта, главу следственного комитета, полицейского или какого-нибудь депутата, — поясняет А. Рудик. — Как мне кажется, у нас очень многие люди сегодня заражены вирусом под названием «какбычегоневышло». И если я, предприниматель, захочу прийти к ребятам в школу и рассказать о себе, то директор немедленно попросит принести справку об отсутствии судимости, от психиатра и т.д.

— Что же делать?

— Хороший инструмент для самореализации старшеклассников — конкурсы и чемпионаты. Мои коллеги из Сколково и ВШЭ именно эти формы используют. Когда после одного из таких конкурсов ребят спросили, готовы ли они дальше заниматься проектами — ответ «да» составил около 80 процентов. Это очень хороший мотивационный эффект!

Всё дело в пиаре?

Попытка найти исчерпывающий ответ на вопрос «Какими предпринимателями будут нынешние школьники и студенты?» не увенчалась успехом. Стартапы вместо дипломной работы рождаются далеко не во всех вузах, да и экосистема к приёму предпринимателей не совсем готова. Зато участники площадки озвучили ряд гипотез, которые полезно было услышать всем.

В завершение встречи модератор, член Правления Ассоциации профессиональных участников сферы развития человеческого капитала Юлия СЕЛЮКОВА высказала мысль, что придётся, видимо, начинать серьёзную работу над имиджем, создавать позитивный образ предпринимателя в обществе с помощью медиа.

КЭФ-2018: на площадке Сибирского федерального университета представляют разработки молодых учёных

Вложились в КЭФ: **идеи, рассчитанные на резонанс**

Насколько эффективен Красноярский экономический форум? Этот вопрос последние годы не теряет своей актуальности. Его задают журналисты, обсуждают аналитики, он беспокоит и саму власть. Два года назад КЭФ был дополнен Международным конгрессом «Сибирский плацдарм», что на местном уровне было встречено положительно, поскольку сделало более выпуклой региональную повестку. В этом году условный «сибирский плацдарм» распространился уже на весь КЭФ, центральной темой которого стало обсуждение проекта «Енисейская Сибирь». О том, в какую сторону дрейфует форум и какой у КЭФ-2018 результат, мы говорим с директором Центра стратегических исследований и разработок СФУ Валерием ЕФИМОВЫМ.

— Валерий Сергеевич, мы не первый раз с вами подводим итоги очередного КЭФ. Ключевым игроком на этом поле был и остаётся исполняющий обязанности губернатора А.В. УСС, который всегда хотел, чтобы КЭФ как площадка в большей степени работал на Сибирь, на Красноярский край. Но как соблюсти баланс обсуждения вопросов, значимых не только для региона, но и для страны?

— Ситуация не простая. Как только мы весь КЭФ сворачиваем к проблематике Сибири, он теряет федеральный статус. Это означает, что он не является площадкой, на которой формируется федеральная повестка. А нам важно, чтобы Красноярский форум наряду с Санкт-Петербургским, Сочинским и Восточным формировал федеральную долгосрочную, среднесрочную и ближнюю перспективу. С другой стороны, должна быть и макрорегиональная проблематика, проекция на ситуацию Сибири.

Сильным достижением КЭФ-2018 было усиление сибирской тематики. Ключевым стало обсуждение проекта «Енисейская Сибирь» как инициативное предложение сибирских регионов, направленное на решение задач развития и Сибири, и России в целом. Это, конечно, восстановление духа и активного формата форума, созданного губернатором А.Г. ХЛОПОНИНЫМ, при котором КЭФ был инструментом встречи и договаривания федеральных, региональных органов власти и крупного бизнеса. Сегодня этот формат актуализирован новой властью региона для решения новых задач.

— А какие площадки форума были интересны с точки зрения общероссийской значимости?

— Были очень сильные площадки, на которых обсуждались вызовы и задачи развития – четвёртая промышленная революция; новые форматы региональной, информационной, технологической политики; инновационные кластеры как институты развития; и др. На форуме были представлены активные, думающие, предлагающие различные варианты решений группы, в которые входили и представители федеральной власти, и региональной, и представители бизнеса. Эти люди уже сейчас работают в направлении новых инвестиций, разворачивания инноваций и того, что связано с цифровой экономикой. Фактически энергетика изменений, энергетика развития сегодня удерживается именно в русле цифровой экономики. Здесь есть видение будущего, понимание перспективы и спектра возможных действий.

Кстати, в эту волну уже вошли некоторые сибирские регионы — Томская, Новосибирская области — и университеты, которые там работают. В этих регионах подхватывается глобальная волна, которую задают цифровая и промышленная революции, и капитализируется в возможности для своего развития. А вот в проекте «Енисейская Сибирь» возможности, создаваемые цифровой и промышленной революцией, пока слабо представлены, и здесь есть над чем работать. Наш Центр стратегических исследований и разработок СФУ, в частности, будет при поддержке Краевого фонда науки выполнять проект «Перспективы формирования цифровой экономики в Красноярском крае», и наша задача — понять, в какой степени цифровые технологии могут работать на развитие региона.

— Если говорить о главной обсуждаемой на КЭФ теме — «Енисейская Сибирь», то ведь под этим названием собраны проекты, которые заявлены уже давно, некоторые даже в советское время. В чём новизна?

— Ключевая актуальность проекта «Енисейская Сибирь» связана отчасти с серьёзной задачей выхода из зоны молчания, из зоны бездействия, из управленческой стагнации, которая сложилась в крае после 2010 года. Если посмотреть на карту России, где помечены особые экономические зоны, технопарки, территории развития и т.д., то Красноярский край представлен лишь Железногорском, и то с непонятной динамикой.

Проект «Енисейской Сибири» как договоренность с бизнесом, как договоренность между регионами, как получение политической поддержки со стороны президента страны сегодня заявлен и разворачивается достаточно успешно. И прекрасно, что на КЭФ администрация края смогла представить его в максимально доступном формате Road show — для инвесторов масштабных проектов.

Второй этап проекта связан с формированием экономического макрорегиона «Енисейская Сибирь» в рамках новой стратегии пространственного развития страны. Осмысление потенциала «Енисейской Сибири» и поиск новых инструментов развития ещё только начинается.

— А как видится перспектива развития Красноярского экономического форума?

— Отдельные высказывания губернатора края позволяют предположить, что в следующем году организационно форум может быть перенесён на площадку СФУ, что усилит его научную и интеллектуальную составляющую.

Формат переговорных площадок дополнится представлением результатов исследований, проектных разработок. Тогда мы получим не просто фиксацию проблем и определённые договорённости, но и возможность видения общего будущего, и конкретные проработанные предложения. Безусловно, это добавит продуктивности и созидательной энергетики форуму. Соответственно, потребует большего включения Сибирского федерального университета как удерживающего прошлое, настоящее и будущее Сибири в логике экономического, социального, гуманитарного развития.

— В вузовской среде не все рады этой перспективе. Всё-таки университет — в первую очередь образовательное учреждение. Когда студентов учить? Ведь проведение такого амбициозного события, как КЭФ, потребует от СФУ баснословных усилий.

— Все переживатели по поводу «когда студентов учить» просто продолжают жить в университете 2.0; университете индустриального типа. Индустриального в том смысле, что образовательный процесс устроен конвейерным образом, а не в том, что работает на индустрию, они и гуманитариев так готовят. На мой взгляд, это просто непонимание современной ситуации.

КЭФ должен стать ключевой образовательной площадкой для студентов. На КЭФ университет формирует сообщество бизнес-партнёров, которое важно и для понимания, кого готовить, и для запуска новых исследований и технологических разработок. Это колоссальный ресурс для университета, на данный момент освоенный процентов на пятнадцать. Повторяю, КЭФ должен стать ключевым образовательным процессом, где студенты участвуют, смотрят трансляции, обсуждают, критикуют, предлагают... А пересказывать знания, которые есть в Интернете и в учебниках, — это вчерашний день. Пора серьёзно менять представление об учебном процессе.

— Вы сказали о 15 процентах. Как нынче СФУ участвовал в КЭФ?

— Университет вошёл в КЭФ несколькими форматами работы.

Мы участвовали в разработке и проектировании отдельных площадок КЭФ, в подготовительных

мероприятиях — проведении экспертных сессий по ключевым проблемам форума. Это была такая обкатка тем, которые на КЭФ должны были обсуждаться, и в СФУ провели три таких сессии.

Совместно с партнёрами из Новосибирска, Москвы и других городов университет подготовил три научных доклада, которые должны были, с одной стороны, усилить глубину обсуждения на КЭФ, с другой — показать аналитический потенциал университета. Кстати, на форуме были представлены и публицистические материалы, подготовленные СФУ — журнал «Ермак.3.0» и газета «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог».

Важно, что СФУ организовал на КЭФ и несколько собственных площадок. Это круглый стол по низкоуглеродной энергетике; это совещание ректоров вузов и министерств образования регионов Енисейской Сибири. И порядка десяти экспертов от университета выступали с докладами на различных секциях, что является приличным достижением, потому что обычно от СФУ было на КЭФ два-три выступления.

Значимым был доклад Центра стратегических исследований и разработок СФУ, в котором рассматривалась стратегия пространственного развития России. Эта стратегия сейчас обсуждается в правительстве, и мы предложили перейти от административно-региональной нарезки, где у нас 85 регионов, к другого типа образованиям. Речь идёт о больших урбанизированных регионах, которые включают в себя группы крупных городов. Для нас важно говорить о Южно-Сибирском урбанизированном регионе, центром которого является Новосибирская конурбация — Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Новокузнецк, Томск. Плюс Красноярская агломерация и Омск. Если проводить внятную политику пространственного развития, то в этом макрорегионе в перспективе будет проживать почти 13 миллионов человек. Создав транспортный каркас из высокоскоростных железнодорожных и автомобильных магистралей, мы получим конкурентную на мировом уровне единицу с высокой концентрацией деятельности, приличным внутренним рынком и способностью производить значимую для мира продукцию. То есть от россыпи городов и административных регионов переходим к крупным экономическим образованиям, конкурентным на мировом уровне. Понятно, что большие урбанизированные регионы — это площадки для новой экономики — высокотехнологичной, цифровой.

В России, по нашей оценке, будет шесть таких регионов. Самый крупный регион — Москва и Санкт-Петербург, у них потенциал 37 миллионов человек. Сравнительно небольшой, но очень значимый Дальневосточный регион, который втягивает в себя Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре. Опять-таки здесь нужно создавать высокоскоростную железнодорожную магистраль и «сжать» пространство. Также в стране будут формироваться Поволжский, Уральский, Южный урбанизированные регионы (см. инфографику).

В своём докладе мы утверждаем, что это, собственно, задачи развития страны: обеспечить транспортный каркас, расширить экономические свободы, создать инфраструктуру, поддерживать инновационную и инвестиционную активность.

СФ

КОММЕНТАРИИ

Совещание представителей вузов Енисейской Сибири было созвано столь оперативно, что даже не попало в официальную программу КЭФ-2018. Модерировал встречу заместитель министра образования Красноярского края Максим РУМЯНЦЕВ, который так прокомментировал значимость проведения совещания на площадке КЭФ.

— Одна из задач, которую и.о. губернатора ставит перед высшим образованием, — это объединение ресурсов всех образовательных организаций и выстраивание общей политики, которая должна, с одной стороны, обеспечить функционирование проекта «Енисейская Сибирь»: понятно, что потребуются кадры, новые программы, переподготовка для крупных инвестиционных проектов. С другой стороны, «Енисейская Сибирь» — это проект, который даёт старт перезагрузке регионов, и без таких важных социальных аспектов, как образование и культура, на мой взгляд, об успехе проекта говорить сложно.

Конкретно перед нами стоит цель — подготовить платформу, позволяющую существенно расширить возможности взаимодействия высшей школы и крупных компаний, работающих в регионе. Совещание ректоров вузов стало первым шагом в реализации задуманного. Причём нам важно было не просто встретиться с ректорами, а пригласить к разговору департамент государственной политики в сфере высшего образования, поэтому на совещании был представитель Минобра РФ. Важно было и вовлечь в разговор профильные органы исполнительной власти, а это министерства образования регионов. На местах должны понимать, что даст им взаимодействие, и уровень высшего образования — это только верхний пласт сотрудничества. Если речь идёт о том, чтобы проект «Енисейской Сибири» сделать содержательным для региона, обязательно нужно говорить и о среднем профессиональном образовании, и о школьном.

Модератором круглого стола «Будущее угольной энергетики в рамках Парижского соглашения и изменения климата» был Михаил ВАСИЛЬЕВ, директор Центра координации программ развития и партнёрства СФУ. Он обозначил достаточно широкий контекст состоявшегося на КЭФ обсуждения.

— Россия подписала Парижское соглашение по изменению климата. По этому соглашению до 2050 года страны-участники должны предпринять все возможные меры, чтобы снизить темпы роста выбросов парниковых газов.

При чём здесь леса, о которых на круглом столе делал доклад академик Е.А. ВАГАНОВ? Леса — основные поглотители парниковых газов. И задача Ваганова на нашей площадке была показать, что расчёт баланса — сколько газов выбрасывается, а сколько поглощается — может повлечь за собой финансовые последствия для стран-участников.

Сейчас выбрана некая методика расчёта, в соответствии с которой Россия больше выбрасывает, чем поглощает. Евгений Александрович Ваганов полагает, что эта методика не верна. Если применить другие подходы, то мы больше поглощаем, нежели выбрасываем. А это означает, что нам не придётся вкладывать огромные ресурсы в экономику для снижения выбросов.

Но мы не хотели говорить только на эту тему. На поверхности лежит тема угольной энергетики. Запасы угля в России оцениваются как самые большие по мировым масштабам. А это означает, что мы никуда не денемся от угольной энергетики, одой из самых дешёвых, эффективных, но и при этом имеющей безусловные экологические последствия, которые сейчас приобрели первостепенное значение.

Поэтому вторая часть круглого стола была посвящена применению технологии «Термококс», которая предполагает изначальную газификацию угля. Газ пойдёт на нужды теплоэнергетики, при этом не будет содержать тяжёлых фракций, они останутся в коксе, а его с удовольствием возьмут металлурги, которые сегодня получают кокс сами и старыми технологиями. Если продавать кокс, тепло вообще может стать бесплатным, а это серьёзный элемент нашей социальной политики: тарифы на тепло — всегда предмет непростых переговоров, которые ведёт общество с властью, а власть с энергетиками.

Я не хочу, чтобы сложилось впечатление, что осенью 2018 года действующую энергетику мы переведём на эту технологию. Но в своих рекомендациях, которые от лица форума будут отправлены федеральному правительству, мы указываем на то, что было бы полезно при рассмотрении проектов строительства новых энергетических объектов использовать эту технологию. Посмотреть возможность и варианты субсидирования тех организаций, которые эту технологию совершенствуют и применяют, продолжить научное исследование возможностей получения продуктов и тепла из угля.

И ещё один аспект разговора – возможная международная кооперация в этой области. Обсуждалось предложение, что процесс можно разделить на две части: мы здесь в Сибири из нашего угля извлекаем газ и используем его на получение тепла, а кокс отправляем в другие страны.

Но эта тема не имеет тривиального, простого решения. Региональная власть не может приказать частной компании изменить свою технологию. Допустим, государство субсидирует компаниям средства на осуществление технологического перевооружения. Но здесь требуется переговорный процесс.

Сейчас, когда даже президент отреагировал на тяжёлую экологическую ситуацию в Красноярске и предложил в середине июня представить исполнимую программу её решения, нам важно, чтобы технологические решения, которые будут предлагаться, были как минимум современными. Потому что решение удлинить трубу — не современное. Наш круглый стол как раз показал технологии, которые если не коренным образом, то очень существенно способны изменить ситуацию с выбросами в тепловой энергетике. И одно из предложений — создать специальный исследовательский центр в СФУ, который бы занимался этой проблематикой.

Три аналитических доклада

Сотрудники Центра стратегических исследований и разработок СФУ под руководством В.С. Ефимова к XV КЭФ подготовили три аналитических доклада, которые в дальнейшем были разосланы участникам форума.

1. «Сибирь и Дальний Восток в XXI веке: сценарные варианты будущего».

Перспективы макрорегиона Сибирь связываются с высоким спросом на сырьевые ресурсы. Рост масштабов и эффективности использования природных ресурсов, достраивание «сырьевого» сектора предприятиями переработки, высокотехнологичным машиностроением и сервисами (геологоразведка, инжиниринг, обслуживание оборудования, НИОКР и др.) может стать драйвером развития Сибири и Дальнего Востока.

Рассмотрены различные сценарии развития Сибири — от «Широкого международного сотрудничества» до «Ограниченного партнёрства», «Сохранения территории» и «Концентрации страны» .

2. «Россия — Сибирь 2050: глобальные тренды и окна возможностей».

В России можно ожидать формирования 5–6 больших урбанизированных регионов с населением в каждом до 10–30 млн чел. Это создаст условия для производства высокотехнологичной конкурентоспособной продукции и выхода на мировые рынки.

В докладе обсуждаются также и риски для Сибири и Дальнего Востока. Они связаны с конкуренцией на сырьевых рынках, отставанием Сибирского макрорегиона по темпам геологоразведки от других сырьевых регионов (Канада, Латинская Америка, Австралия); с институциональными барьерами, которые препятствуют и развертыванию геологоразведки, и созданию «надстройки» из машиностроения и высокотехнологичных сервисов.

3. «Становление университетов-лидеров: мировая практика и российская перспектива».

В докладе обсуждается образ университета четвёртого поколения как «носителя» мышления и деятельности «когнитивной эпохи».

На примере Сибирского федерального университета предлагается видение перспективного позиционирования федеральных университетов. СФУ должен стать флагманским университетом макрорегиона «Енисейская Сибирь», взяв на себя роль «фабрики мысли» макрорегиона, центра стратегического консалтинга и проектной экспертизы, центра исследований и инноваций, трансферта технологий, цифровой «когнитивной платформы».

Сибирский федеральный университет может (должен) выступить с инициативой создания Ассоциации ведущих университетов Сибири «Лига кедра». Бренд «Лига кедра» должен обозначать первоклассное, престижное образование, соответствующее самым современным стандартам.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Арт-объект
Василия СЛОНОВА
«Ватный набат»

Сибирь как кейс: время состоявшихся перемен

В апреле в Красноярске вышла книга «Кейс «Сибирь»: из практики советского планирования на востоке России». Книга уже номинирована от региона на две престижные национальные премии: «Малая Родина» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и «Просветитель», проходящей под эгидой Института книги и Zimin Foundation. Автор Ринат РЕЗВАНОВ рассказывает о самой книге, её концептах и перекличках с проектом «Енисейская Сибирь».

— Ринат, какой путь прошла книга от замысла до выхода в свет?

— Никак не меньше десяти лет. С момента сбора фактажа, работы с источниками, специальной литературой. Туда же включаются встречи, общение с современниками тех лет — носителями ценного опыта, знающими не понаслышке, как принимались и претворялись в жизнь решения.

Когда исследователю тема интересна, постоянно находишь новый материал, значимость которого дальше определяется с помощью небезызвестной бритвы Оккама (*его принцип гласит: «Не следует множить сущее без необходимости» — ред.*). Хороший добавился сюжет — вносишь в будущую книгу, пишешь статью. Множишь сущности — значит, в черновик, потом обязательно пригодится как минимум для новой книги.

— С какого момента в Советском Союзе происходит поворот к теме индустриального освоения Сибири?

— Как только возникло само советское государство. Если будем отсчитывать с момента разработки плана ГОЭЛРО, а это 1920 год, то точно не ошибёмся. Но «Кейс «Сибири» обращается к наиболее интенсивному, последовательному и масштабному периоду советского экономического освоения Сибири, стартовавшему во второй половине 1950-х годов. Если хотите, XX съезд КПСС — это не только развенчание «культа личности», но и тот самый разворот государства на восток: принимается целый ряд директив по развитию Сибири.

Довоенный период (хотя в это время возникает Урало-Кузнецкий комбинат) и в особенности первое послевоенное десятилетие были ориентированы всё же на восстановление и развитие старых промышленных центров на западе страны. Но ресурсы небезграничны, уже в 1950-х остро ощущается проблема гарантированного энергоснабжения предприятий запада Советского Союза. Дешёвая генерация виделась на востоке. Так возникает энергетическая триада сибирского проекта: гидрогенерация, тепловая и атомная энергетика. Не забывайте, вторая в Союзе атомная станция возникает именно в Сибири — в Томске-7, сейчас это город Северск.

— Что в это время происходит в Восточной Сибири, в том же Красноярском крае?

— Почти вся первая глава «Кейса «Сибирь» посвящена структурным экономическим переменам в регионе. Знаковым является август 1947 года, когда в Иркутске проходит конференция по изучению производительных сил с участием Академии наук СССР. Выдвигается идея создания «промышленного комплекса нового типа» в субрегионе по периметру Красноярск — Енисейск — Усть-Кут — Иркутск.

По сути, речь шла о закладке Ангаро-Енисейского промышленного узла. К Енисейску даже планировалось протянуть силами заключённых железную дорогу из Красноярска. В книге говорится о создании «Исправительно-трудового лагеря строительства железной дороги Красноярск — Енисейск», сразу же расформированного в год смерти Сталина.

В крае получают развитие либо создаются новые промышленные узлы: Красноярский, Ачинско-Назаровский, Абакано-Минусинский.

Безусловно, было понимание, что это крайне дорогостоящая история. Потребуется сверхсильное напряжение материальных и человеческих ресурсов. Строить в Сибири в полтора-три раза дороже, чем в западных областях. Сами сроки строительства удлиняются во столько же. Даже внутри Сибири разброс получался значительным — стоимость соцобслуживания в Норильске оказывалась в 3,5 раза большей, чем в Красноярске. Добавьте к этому ввод «северных коэффициентов» в оплате труда.

В итоге Госплан вырабатывает три принципа, на которых должен базироваться сибирский проект. Это, во-первых, совершенствование территориально-отраслевой структуры. Далее, требовалось максимально механизировать, автоматизировать и электрифицировать предприятия на востоке страны. Использовать машины и механизмы в «сибирском» и «северном» исполнении, которым не страшны низкие температуры и вечная мерзлота. И, наконец, жёсткая экономия трудовых ресурсов. Стараться не строить заводы, требующие большого персонала.

— В «Кейсе «Сибирь» говорится, что в это же время возникают серьёзные противоречия во взглядах на развитие региона между центром и местными специалистами исследовательских институтов...

— В конце 1950-х годов по приглашению красноярского совнархоза в край прибывают учёные-исследователи из Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО АН СССР. В регионе разворачивается масштабное социоэкономическое обследование, под которое подпадают западные и южные районы Красноярского края.

Приезд учёных из только-только образованного в новосибирском Академгородке института был продиктован острым кадровым кризисом, с которым столкнулся край. За один только 1959 год по тресту «Ачинскалюминстрой» сменилось более половины работников. На строительстве Назаровской ГРЭС текучесть кадров вообще достигла 60%. А это потери трудовых ресурсов — раз, вынужденные простои в работе — два и перерасход средств на «подъёмные» и оплату труда — это три. Надо было срочно что-то предпринимать.

В результате ИЭОПП рекомендует безотлагательно развивать лёгкую и пищевую промышленности непосредственно в Сибири — мера, диаметрально расходившаяся с позицией Госплана.

— Почему?

— Указанные отрасли Госплан рассматривал для Сибири как сугубо вторичные, более того, даже отвлекающие столь дефицитные трудовые ресурсы. Отсюда, кстати, и идея поставлять из западных районов в Сибирь большую часть продуктов потребления. Даже невзирая на расстояния в 2—3 тысячи километров и более.

Но тот же красноярский совнархоз прислушивался к мнению ИЭОПП. Завязывается концептуальная дискуссия, которая является центральной темой «Кейса «Сибири».

— Как и вопросы, по которым эта дискуссия ведётся. Например, «женская» тема...

— Да, вопрос о женской занятости возник неожиданно и оказался, пожалуй, одним из наиболее острых. Индустриализация Сибири в корне изменила структуру занятости, появилось больше условно «мужских» предприятий. Сама востребованность именно мужских рабочих рук стала существенно выше. Фактор сильно давил на закрепляемость кадров в регионе, женщинам сложнее было найти необходимую работу.

Госплан знает об этой проблеме. Но ничего не хочет слышать о тех же лёгкой и пищевой индустриях, где женский труд более востребован. Предлагается вариант с трудоустройством на базовые для Сибири предприятия, например химической отрасли. Или сфера обслуживания. В этом вопросе Госплан поддерживал иркутский Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН в лице его директора профессора Владимира ВОРОБЬЁВА.

Новосибирцы, наоборот, показывают большую гибкость в вопросе. Они исходят из ресурсных возможностей конкретной территории. Если возможности позволяют, то следует вводить то же текстильное, мебельное или обувное предприятие. Это могло серьёзно снизить давление «женского» фактора.

— И региональные власти прислушались к рекомендациям ИЭОПП?

— Причём реакция оказалась оперативной. Край принимает меры по устранению резкого перекоса в занятости. В Черногорске вводится крупный камвольно-суконный комбинат (КСК), в план включается строительство там же двух трикотажных фабрик.

По Ачинско-Назаровскому узлу мы наблюдаем ту же тенденцию. К середине 1960-х в Назарове появились мебельная и швейная фабрики, хлебокомбинат, комбинат бытового обслуживания.

— Насколько этот советский опыт осмыслен современными исследователями, какие близкие по проблематике к «Кейсу «Сибирь» издания можно назвать?

— К огромному сожалению, исследовательских работ по социо-экономической проблематике Сибири послевоенного периода в наше время выходит крайне мало. Навскидку назову двухтомник «Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI веков», подготовленный Институтом истории СО РАН.

И никак нельзя обойти знаменитую «The Siberian Curse» или «Сибирское бремя» Фионы ХИЛЛ и Клиффорда ГЭДДИ из Института Брукингса (США), вышедшую в 2003 году и наделавшую много шума. Ещё до того, как книга была издана на русском языке, она, по сути, запустила масштабную научную дискуссию. Кстати, одну из последних на моей памяти. «СОРАНовская» «Стратегия экономического развития Сибири», обсуждавшаяся примерно в то же самое время, равно как и «восточная» правительственная инициатива Внешэкономбанка 2012 года по созданию отдельной госкорпорации, имели меньший резонанс.

— А между «Кейсом «Сибирь» и «The Siberian Curse» есть идейная перекличка?

— Вряд ли. Тут два обоснования. «Кейсу «Сибирь» интересна тема интеллектуальных идей, поиска в Советском Союзе путей развития Сибири, проблема климата в ней проходит фоном и очень пунктирно. Книга — в нюансах, тонкостях исторического момента, она пытается дистанцироваться от общепонятийных подходов.

Американское же издание сконцентрировано на теме неблагоприятного воздействия климата на эконом-географию Сибири и Дальнего Востока. Дальше авторы уже оценивают величину издержек из-за этого для российской экономики.

Вообще, было бы любопытно, если бы Институт Брукингса как крупнейший think tank по изучению постсоветского пространства продолжил линию «Сибирского бремени». Но, насколько я знаю, пока Фиона Хилл не планирует возвращаться к тематике siberian studies.

Хотя «Сибирское бремя» — крайне парадоксальная для своего исторического контекста книга.

— Интересно, почему же?

— Несмотря на довольно негативную и эмоциональную реакцию, которую встретила книга в России, полагаю, ей цены бы не было в советском Госплане. Смотрите, авторы пишут, что ошибкой стали вовсе не индустриализация и урбанизация в Сибири, а излишний акцент на производства, требующие большого количества трудовых ресурсов. А ведь это именно то, чего Госплан требовал не допускать на востоке. Как видите, перекличка налицо.

— Вернёмся к вашему «Кейсу...». С чем связано появление в книге «китайской» линии?

— Когда я ещё обсуждал идею и структуру книги с коллегами, много было пожеланий, чтобы книга обозначила и некие исторические параллели. На мой взгляд, хороший методологический пример продемонстрировал Китай. В начале 2000 года страна приступила к масштабной программе развития своих западных территорий. Дасибэй (Северо-Запад) и Дасинань (Юго-Запад) для Китая стали тем, чем для России являются Сибирь и Дальний Восток — территориями перманентного фронтира. И там, и там общие вводные установки, с поправкой разве на то, что Китай внимательно изучал советский опыт, анализируя плюсы и минусы сибирского проекта.

В «Кейсе «Сибирь» есть даже специальный раздел о системе межрегионального кураторства. Да-да, речь идёт о немного подзабытой «шефской помощи». В Китае, например, Шанхай брал обязательства поддержать провинцию Юньнань, а Пекин — Внутреннюю Монголию. Думаю, «китайская линия» усилила книгу, сделала возможным некий компаративистский взгляд, конечно же, с поправкой на время.

Среди изданий, представленных Институтом «Стрелка» в Красноярске, книга «Кейс «Сибирь». Ринат Резванов — её автор.

— Известно, что одна из глав книги — «Сибирские города» — участвовала на правах статьи в федеральном конкурсе и стала его лауреатом.

— Да, и это один из элементов научной верификации. Федеральный конкурс научных работ в сфере государственной национальной политики и управления миграционными процессами в России был проведён в 2016 году под эгидой Правительства Москвы. Будущая глава, а тогда — научная статья, вошла в финальный шорт-лист из трёх работ. Принципиально, что жюри конкурса представляли научные сотрудники Института этнологии и антропологии РАН.

Останавливаться на этом не будем. Есть тесное сотрудничество с краевой научной библиотекой, руководству которой я очень признателен за поддержку. В частности, мы уже подали совместную заявку на участие в одной из крупнейших национальных премий среди научно-популярных изданий.

— После выхода книги были какие-то отзывы, советы, показавшиеся интересными?

— Один из самых хороших советов прозвучал от Евгения Александровича ВАГАНОВА, научного руководителя Сибирского федерального университета. Он был в числе первых, кто получил книгу только-только из печати. И на КЭФ у нас произошёл разговор, где Евгений Александрович рекомендовал издать «Кейс «Сибирь» ещё и в электронной версии. Согласен, это абсолютно правильный вариант движения.

— Насколько полезной книга может оказаться в контексте возникшего сейчас проекта «Енисейская Сибирь»?

— «Енисейская Сибирь» хороша тем, что ставит на повестку идею качественных перемен в жизни людей огромного региона. «Кейс «Сибирь» обращается к нашему недавнему общему опыту, общей истории, судьбе. Если нивелировать и выхолостить методологию 1950-1980 годов, свести её к опосредованному набору схем и догматов, мы тем самым чрезвычайно упростим не только советскую индустриальную практику, но и нашу экономическую действительность.

«Кейс...» оперирует любопытными примерами, показывающими несостоятельность того же мифа о Госплане как эдаком экономическом автократоре, породившем всё плохое и хорошее в проекте советской индустриализации Сибири. На деле мы видим целый ряд акторов перемен помимо Госплана, и книга обращает внимание на крайне важную роль, которую играли региональные власти.

— Какими на сегодня вам видятся риски «Енисейской Сибири»?

— Полагаю, что онтологически проект мог исходить из двух вариантов. Первый — это такой проектный лист с внесёнными в него планируемыми либо интересующими крупный бизнес объектами. Собственно этот вариант мы и увидели в ходе импровизированного road show на КЭФе.

И есть вариант с территориальным планированием, когда ты развиваешь свои субрегионы, заводишь туда бизнес, разрабатываешь специальные условия хозяйствования, оказываешь административную поддержку. Не самый благодарный вариант, но самый интересный и, что самое главное, рассчитанный на игру «в длинную» — его сложно бросить на четверти пути.

Уже на КЭФе бизнес стал оговариваться, дескать, возможен пересмотр инвестпрограмм в сторону сокращения. Пока более-менее держатся сырьевые рынки, от которых зависят бюджеты Красноярского края и Хакасии.

Есть и другой момент — крупный бизнес уже просит налоговые льготы. Либо создать существенные преференции на тех рынках, где работает. Готов ли будет регион пойти на сокращение собственной налоговой базы, за счёт чего тогда будут покрываться растущие социальные издержки?.. Вопросов, как видите, много.

— На ваш взгляд, какие направления были бы полезны для развития «Енисейской Сибири»?

— Исходить из экономической и культурной составляющих. Очень не хватает совместных историй, инициатив. Допустим, в советское время большие надежды возлагались на развитие Абакано-Минусинского промузла. Там должен был возникнуть целый территориально-промышленный комплекс. С опорой не только на добывающий сырьевой сектор, но на отрасли высокого передела и электротехнику. И всё это в рамках единой крупной агломерации.

Сейчас промузел располагается в двух субъектах — Хакасии и Красноярском крае. Я не предлагаю воссоздать тот грандиозный замысел, отводившийся субрегиону в прошлом. Но если попытаться завести туда проекты, интегрировать совместные инициативы, люди воочию увидели бы, что «Енисейская Сибирь» — это про них; история, меняющая к лучшему их жизнь.

И, конечно, ничто так не способствует сближению людей, как культура. Здесь заложено целое пространство возможностей: от этнопарка, где можно было бы знакомиться с культурой народов Хакасии и Тувы, до партнёрских проектов творческих коллективов.

— Ринат, есть ли моменты, не вошедшие в книгу, но на которые хотелось бы обратить внимание?

— Безусловно. В 1970-80-х советские экономисты активно изучали опыт освоения крупных пространств в США и Канаде. В частности, проекты трансаляскинского нефтепровода, развития долины реки Теннеси и другие. Делегации из Канады были довольно частыми гостями в новосибирском Академгородке.

Интересно, как полученное знание использовалось в практике советского освоения Сибири? Быть может, в проектах комплексного развития Красстяжмаша или Сосновоборского завода автоприцепов, возникших в середине 1980-х, закладывались существенные отсылки к зарубежному опыту, и у нас должен был состояться эксперимент, в чём-то опережающий своё время.

***

В завершение, скажем, что книгу «Кейс «Сибирь»: из практики советского планирования на востоке России» можно найти в магазинах «Бакен» и «Академкнига». Стиль изложения близок к научной эссеистике. А сама книга издана в удобном «карманном» покет-формате.

Текст_ Софья АНДРЕЕВА
Фото_ Александр КУПЦОВ

Когда твоими руками **делается наука**

Если есть возможности, ими обязательно нужно воспользоваться, уверен молодой учёный Роман МОРЯЧКОВ. Недавно он вернулся со Всемирного конгресса по нанотехнологиям и материаловедению, на котором представлял своё исследование. Роман изучает пространственную структуру биомолекул на основе ДНК-, РНК-аптамеров методом малоуглового рентгеновского рассеяния (МУРР). Если говорить обычным языком, в перспективе его разработка может помочь усовершенствовать диагностику и лечение рака мозга. При этом первое высшее образование молодого учёного связано совсем с другой сферой деятельности.

— В Красноярск поступать в технический университет я приехал из посёлка Черемушки Балахтинского района, там я вырос, окончил школу. Когда учился в университете, его переформатировали в Политехнический институт СФУ. Моё первое высшее образование — IT-специальность, я окончил факультет информатики процессов управления. Тогда увлекался компьютерами, программным обеспечением, но наука тянула меня всегда.

Я рос в посёлке на берегу Красноярского водохранилища, а в деревне, на природе, всё по-другому. Там лес, небо, я наблюдал за разными явлениями и искал им объяснения. Одно время сильно увлекался биологией: собирал коллекцию насекомых, дома у меня жил тарантул. Бегал на болото, изучал живность, которая там обитает. А потом учительница информатики дала мне на лето подвижную карту звёздного неба, и я увлёкся астрономией. Изучал созвездия, траектории движения спутников — где, между какими звёздами они пролетают. Давай книги по этой теме читать. Учителя дали мне домой школьный телескоп. Я нашёл Юпитер, Сатурн, какие-то туманности — красота... Сам, без Интернета, по книжкам.

— Это увлечение астрономией осталось до сих пор, правильно?

— Совершенно верно. Когда я приехал учиться в город, стал искать любителей астрономии — таких же увлекающихся ребят. Нашёл местное сообщество, вместе мы выезжали за город, смотрели прохождение кометы, наблюдали прохождение Венеры по диску Солнца. Со временем работа клуба затихла, у его участников появились другие интересы, заботы. И у меня тоже, но желание наблюдать за небом осталось.

Тогда я купил себе любительский телескоп, начал собирать вокруг себя людей, увлекающихся астрономией. Мы снова создали сообщество КрасАстро — красноярская астрономия. Кстати, и прежнее сообщество также называлось. Создали группу в социальной сети, собираемся вместе, берём телескопы, фотоаппараты, выезжаем за город, наблюдаем за небом.

К слову, таких увлекающихся людей в Красноярске немало. Один астроном даже построил на даче недалеко от города свою обсерваторию. У него есть мечта — открыть неизвестный астероид и назвать его Красноярск. Но для этого нужно вести наблюдения планомерно, постоянно.

В Красноярске наше сообщество проводит не совсем привычные для горожан мероприятия, которые называются тротуарной астрономией. За рубежом эта тема очень популярна. Люди, у которых есть телескопы, выставляют их на улице и всем желающим показывают планеты, спутники, рассказывают что-то интересное. Красноярцы охотно присоединяются, рассматривают небо, задают вопросы. Правда, летом для тротуарной астрономии слишком светло, удобнее смотреть небо весной или осенью. Зимой холодно, но было дело и в морозец на набережной стояли.

— Вы учились на IT-специалиста. Почему решили изменить направление?

— Когда я закончил факультет информатики, хотел поступать в магистратуру по физике.

> «Меня всегда тянула эта наука. Но так получилось, что вместо этого отправился в армию. Год отслужил, вернулся, нашёл работу, женился. Но мечта не отпускала. Жена сказала: хочется — поступай.»

Хотя, конечно, жить стало сложнее. Я поступил в магистратуру СФУ, в Институт инженерной физики и радиоэлектроники. В 2017 году защитил магистерскую диссертацию, теперь аспирант первого курса в Институте физики СО РАН.

Я хочу заниматься именно исследовательской деятельностью, а не просто преподавать в вузе. Мечтаю внести свой собственный вклад в науку.

Кстати, поступлению в магистратуру предшествовала неожиданная встреча, повлиявшая на моё будущее. Несколько лет назад в краевой библиотеке проводили лекции на тему «Зачем нужны учёные?». В том числе лектором был Владимир Николаевич ЗАБЛУДА, старший научный сотрудник лаборатории физики магнитных явлений Института физики СО РАН. Он так увлекательно рассказывал о том, как физикой занимается, какие у него интересные проекты. Теперь он мой коллега. После лекции мы с ним разговорились, он пригласил нас в свою лабораторию в гости. Мы пришли, посмотрели, даже немного побаловались — поплескались жидким азотом. Хорошо запомнил, что Владимир Николаевич тогда нам сказал: я не работаю, а получаю удовольствие, потому что нашёл работу своей мечты. Меня это так зацепило, захотелось работать с ним. Я рассказал, что занимаюсь программным обеспечением, электроникой, и спросил: может, вам такие люди нужны? Он переговорил с руководством: взять меня согласились, только если я получу физическое образование. И я пошёл в магистратуру.

— Трудно было поступать в вуз после большого перерыва?

— Мне помогала сильная мотивация — я хотел учиться. Моими конкурентами были студенты, которые недавно закончили бакалавриат, они проходили эти предметы буквально вчера. А квантовую механику, ядерную физику я вообще никогда не изучал. К поступлению готовился по учебникам и онлайн лекциям.

— А как получилось, что ваша исследовательская работа связана с медициной?

— Будучи магистрантом, в лаборатории магнитных явлений ИФ СО РАН я занимался изучением магнитных свойств вещества — явлением магнитного кругового дихроизма. Тогда мой научный руководитель Алексей Эдуардович СОКОЛОВ проводил работу вместе с медиками — сотрудниками медицинского университета и докторами БСМП. Они изучали магнитные наночастицы, с помощью которых можно плавно разрушать раковые опухоли в слабовращающемся магнитном поле. Эти наночастицы прикрепляют к ДНК-аптамерам, которые имеют свойство связываться с определёнными биологическими молекулами — целевыми белками.

Аптамеры могут «нести» различные функции. Например, их маркируют специальными флюоресцентными метками или радиоактивными изотопами, по которым их можно выявить в организме. Данные ДНК-аптамеры прикрепляются к модифицированному белку, находящемуся только в раковых клетках, и показывают, где находятся эти поражённые участки. Сегодня эта разработка используется в медицине для диагностики опухоли мозга. Знаю, что при проведении операций в БСМП хирурги применяют раствор с этими молекулами. Дело в том, что глиобластома — рак мозга — имеет сложную структуру. Эта опухоль пускает корешки, хирург может вырезать основную часть опухоли, но не увидеть все её отростки. Впоследствии эти корешки могут прорастать дальше и давать метастазы. Чтобы удалить все части опухоли, хирург прыскает раствор с молекулами аптамера с флюоресцентными метками, потом надевает специальные очки с источником ультрафиолета и видит подсвеченные остатки опухоли. Этот метод на практике доказал свою эффективность.

— А чем отличается ваше исследование? Вы ведь тоже изучаете ДНК-аптамеры?

— Известно, что ДНК-молекула связывается с конкретным белком. Но почему так происходит? Этого пока не знает никто. Я как раз и занимаюсь исследованиями в этом направлении.

Немного поясню. В микромире структура биомолекул отвечает за их функцию, то есть от того, как выглядит биомолекула, зависит и то, как она взаимодействует с другими веществами, молекулами. Цепочка ДНК биомолекулы аптамера невелика — составляет от пятнадцати до ста звеньев. Эта цепочка сворачивается в какую-то форму, создаются дополнительные химические связи, на поверхности определённым образом распределяются заряды. Этим набором зарядов на своей поверхности она соединяется с каким-то определённым белком, который тоже имеет свою уникальную форму. Зная структуру молекулы, мы можем понять, за счёт чего и где именно она связывается с этим белком.

Я изучил эту структуру, мы увидели, как выглядит данная биомолекула, и уже есть предположение, каким именно фрагментом она взаимодействует с белком.

Сейчас мы работаем совместно с химиками, при проведении исследований используем молекулярное моделирование. Я получаю форму молекулы: вижу общее электронное облако, но не вижу конкретные атомы, то, что находится внутри — где там углерод, азот и так далее. А химики моделируют структуру, молекулярный состав этой формы. Вместе мы примерно понимаем, где расположены атомы в данной молекуле.

Если мы поймём, почему эта молекула связывается с определённым белком, сможем улучшить существующие методики. В частности, добьёмся большей точности, ведь тогда аптамер не будет присоединяться к другим белкам, которых в организме человека десятки тысяч. При необходимости сможем увеличить эту цепочку ДНК или, напротив, убрать лишние отрезки. В идеале хочется сделать так, чтобы мы сами могли моделировать эти ДНК-аптамеры, а не слепо подбирать их, как это происходит сейчас. А моделировать их мы сможем, если будем знать, как из последовательности молекул получить определённую структуру.

Сложность в том, что ДНК— и РНК-аптамеры очень гибкие, их нельзя упорядочить, поставить в ряд. Структуру некоторых белков можно определить при помощи кристаллографии. Белки кристаллизуют, затем с помощью рентгеновской дифракции с высокой точностью определяют расположение атомов. А эти аптамеры не кристаллизируются, то есть стандартные методы в их отношении не работают. Но мы нашли вариант: метод МУРР — малоуглового рентгеновского рассеяния.

Мне предложили съездить в Москву — в Курчатовский институт, посмотреть, как работает синхротрон, на котором и применяют этот метод малоуглового рассеяния. Съездили, увидели большую установку, учёных, работающих на ней. Меня это вдохновило: десятки людей наукой занимаются, эксперименты ставят... Сейчас я сам работаю на этой установке, периодически летаю в Москву.

Суть метода МУРР в следующем. Помещаю раствор с молекулами в установку синхротрона. ДНК-аптамеры находятся в растворе, обычные кристаллики для дифракции, повторю, из них не вырастишь. При этом молекулы расположены хаотично в растворе, постоянно двигаются. Я помещаю пробирку с раствором под рентгеновский пучок. Для рентгеновских лучей электронная оболочка молекул становится препятствием, на ней происходит рассеяние лучей. Из картины рассеяния можно восстановить, каков набор расстояний между рассеивающими центрами внутри молекулы, а из их соотношения можно рассчитать и размеры, и форму частицы. Благодаря чему можно восстановить структуру биомолекул.

— В Испанию вы отправились как победитель Всероссийского инженерного конкурса студентов и аспирантов в области нанотехнологий. Там вы тоже участвовали в каком-то научном состязании или только представляли свою работу?

— В Валенсии проходил Всемирный конгресс по нанотехнологиям и материаловедению. Учёные из разных стран рассказывали, что сейчас происходит в мировой науке в области нанотехнологий. Я готовил стендовый доклад на английском языке.

— Вы хорошо говорите на английском?

— Говорят, что хорошо, но я думаю, что пока не очень. Хотя на конференции у меня получился мой первый большой разговор на английском языке. Мы минут двадцать говорили с итальянкой и понимали друг друга. Она рассказала мне про свою работу, я ей — про своё исследование. Она заинтересовалась, сфотографировала мой постер, так что, может быть, сделаем совместную работу.

— Вам удалось послушать доклады учёных из других стран? Как мы смотримся на мировом уровне?

— Да, я слушал доклады многих, увидел, что у российских учёных очень хорошие достижения. Конгресс был посвящён нанотехнологиям, но оказалось, что здесь столько разных направлений.

Зарубежные коллеги тоже пытаются разработать синтетические лекарства для лечения онкологических заболеваний. Но у них другие подходы. Мы изучаем ДНК- и РНК-аптамеры, а они — ДНК- и РНК-молекулы, которые доставляют до конкретного места в организме лекарства в липидных оболочках. Чтобы лекарственный препарат разносился не по всему организму, а был точечный удар в конкретную цель — нужную ткань или орган.

— Вы представляли своё исследование и на Красноярском экономическом форуме. Удалось заинтересовать инвесторов?

— На КЭФ я был одним из участников выставки достижений молодых учёных СФУ. Моё исследование было представлено заочно — в виде буклета. Моя работа пока не может применяться в медицине, это фундаментальное исследование, поэтому предложений от инвесторов я пока не получал.

«

Недавно мы начали работать с НИИ физико-химической биологии МГУ. Его сотрудник доктор биологических наук Вера Алексеевна СПИРИДОНОВА уже лет пятнадцать занимается изучением ДНК-аптамеров, но к другому белку. Её заинтересовал мой метод. Ведь, повторю, синтезировать белки, наращивать их до кристалла очень дорого. Мой метод гораздо быстрее, выгоднее и дешевле: достаточно поставить маленькую пробирочку со слабым раствором под рентген. И уже видна общая структура аптамера, хоть и не столь высокого разрешения.

»

Так что сейчас мы ездим из Красноярска в Москву в институт Курчатова, чтобы проводить эксперименты для МГУ. Учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, кстати, так и работают — они постоянно ездят в другие города, за рубеж. Я тоже стараюсь не упускать существующие возможности: участвую в грантах, конкурсах. Недавно у нас прошла заявка, теперь мы поедем во Францию, поработаем на синхротроне нового поколения.

— Вы говорили, что не хотите заниматься преподавательской деятельностью, но проводите занятия для детей...

— Работа с детьми — это другое. В технопарке «Твори-Гора» я преподаю астрофизику, а моя жена — астрономию. Занятия рассчитаны на учеников шестых — седьмых классов, но к нам ходят ребята и младшего возраста. Есть у нас и увлечённый астрономией третьеклассник, мы даже его брали с собой на астрономический форум СибАстро в Новосибирск.

Дети занимаются необычайно заинтересованно, сейчас готовят доклады для большого итогового мероприятия, на которое мы пригласили серьёзных экспертов, в том числе,нашего Владимира Николаевича Заблуду.

— Знаю, что вы — один из активных лекторов устного журнала «Язык Эйнштейна». Это проект популяризации науки?

— Да, его организует информационный центр по атомной энергии. Они приглашают молодых учёных, специалистов, студентов проводить небольшие лекции в общественных местах. За основу выступления берётся какая-то новость из мира науки, а наша задача — простым языком рассказать, что это значит для дальнейшего развития науки, для обычных людей.

Отмечу, что сегодня популяризации научных знаний уделяется большое внимание. Создаются технопарки, сообщества, музеи, идёт неплохая бюджетная поддержка, постоянно объявляются какие-то конкурсы и гранты. И есть много молодых людей, увлечённых наукой. Мы ведь с моей женой познакомились благодаря астрономии. Вместе пришли на одно из последних занятий ещё предыдущего состава КрасАстро. Она тоже очень хорошо знает небо, преподаёт астрономию в технопарке, сейчас собирается поступать в СФУ. Её привлекает нейрокогнитивистика — то, как за счёт химических связей в головном мозге объясняется наша мыслительная, эмоциональная деятельность. Тоже хочет заниматься именно исследовательской работой.

Однажды мы вместе ездили в Сингапур на курсы по изучению молекул на биологическом уровне, занятия проводились на английском языке. Моя жена ходила со мной на лекции, мы занимались построением молекулярных моделей, участвовали в квесте, хотя я предлагал ей просто погулять по городу. Потом вместе ездили в Курчатовский институт, она помогала мне готовить образцы для экспериментов. Это ведь интересно, когда твоими руками наука делается.

— После аспирантуры вы планируете остаться в Красноярске?

— Посмотрим, вариантов много, можно продолжать работу и в Красноярске, есть лаборатории, заинтересованные в моём исследовании. Конечно, я продолжу учиться, надо постоянно быть в курсе того, что происходит в науке — читать новые статьи, изучать методики, участвовать в разных проектах. Когда я отправил свою научно-исследовательскую работу на всероссийский конкурс ВИК.Нано, мне перезвонили. Ответил на несколько дополнительных вопросов, после чего меня пригласили в Москву на финальный этап конкурса. Участие в конкурсе стало для меня хорошей школой. Я узнал, как доводить свой проект до какого-то практического применения, как и что нужно патентовать.

Не так давно я слушал курс «На пути к успеху в науке», занятия для молодых учёных в онлайн-режиме проводит фонд «Траектория». Нам рассказали, как правильно готовиться к различным конференциям и для чего в принципе они нужны: не просто потусить, а установить научные связи, правильно подготовить и представить свой доклад, общаться с коллегами. Казалось бы, это простые правила, но не все их знают. Например, если вы говорите с собеседником на русском, а к вам подходят иностранцы, нужно переходить на английский язык, чтобы всем было понятно, о чём идёт речь. Говорили и о том, как организовать научную лабораторию: с чего начинать, как должен вести себя научный наставник. Был очень насыщенный курс, хотя состоял всего из трёх занятий.

Мы и сейчас продолжаем онлайн общаться с выпускниками, в том числе и предыдущих курсов, обсуждаем новости науки, свои проекты. У меня есть идея организовать подобные занятия в нашем университете. К сожалению, многие студенты либо не знают о существующих возможностях, либо не понимают, как их использовать. А сегодня есть столько ресурсов — бери и развивайся.

Автор _ Феофан ФРОЛОВ
Фото _ Константин Новоторженцев

Есть ли иная жизнь в интернет-аале истории

Независимо от пола и возраста мы одинаково любим проводить время в Интернете за просмотром увлекательных видеороликов. Но смогли бы вы самостоятельно запустить собственный канал в Youtube? И не абы какой, а научно-популярный, с продумыванием сценария выпусков и ответами на вопросы пользователей? Своими профессиональными секретами с нами делится один из авторов sci-comms видеоканала «Иная жизнь» публицист, историк Станислав УГДЫЖЕКОВ. Разумеется, жителя Хакасии мы спросили и об отношении к интеграционному проекту «Енисейская Сибирь», но всему своё время.

— Станислав, расскажите о видеоканале, как он запускался?

— Изначально канал «Иная жизнь: история, культура, религия» на Youtube запускал мой близкий друг, историк Леонид ЕРЁМИН, работающий в хакасском музее-заповеднике «Казановка». Поначалу это был исключительно краеведческий, просветительский ресурс, где говорили о традиционном мировоззрении, народных праздниках Хакасии.

— Причём, насколько знаю, ведущим первых выпусков был даже шаман.

— Причём очень популярный в Хакасии! Леонид ГОРБАТОВ из аала Анхаков, помимо того, что служит народу шаманом, является ещё и научным сотрудником местного музея. Его знания, опыт трансцендентного переживания оказались востребованы при подготовке видео о двух самых известных каменных скульптурах региона: Улуг Хуртуях-Тас и Ах Тас.

— С чем связана их известность?

— Улуг Хуртуях-Тас в переводе на русский язык означает Великая каменная старуха. Изваяние находится в аале Анхаков, относится к окуневскому времени — ей уже 4,5 тысячи лет. И воспринимается она как носительница, хранительница всех счастливых потенций хакасского народа.

Когда-то Улуг Хуртуях-Тас была перевезена в республиканский краеведческий музей в Абакане. После её возвращения в исконное место в 2000-х годах вокруг неё, по сути, возник музей одной скульптуры с довольно сильной этнографической составляющей. Более того, каменная старуха стала местом самого настоящего паломничества из разных концов страны. Женщины, независимо от своего вероисповедания и национальной принадлежности, приезжают к Улуг Хуртуях-Тас просить и молиться о здоровье детей.

Может, скульптура изначально и не имела только эту функцию заступничества за женщин-матерей, детей, но в наше время она воспринимается именно так.

В музее-заповеднике «Казановка» находится второй памятник — Ах Тас, или Белый камень, который больше связывают уже с образами мужского начала. Поэтому мы сейчас наблюдаем появление самого настоящего туристического маршрута: сначала люди едут к Улуг Хуртуях-Тас, чтобы поклониться образам женского начала, а затем к Ах Тас.

Надо ли говорить, что тема древних каменных скульптур вызывала интерес, любопытство — и авторы видеоканала как могли пытались ответить на поступающий пользовательский запрос.

— А как непосредственно вы вошли в проект?

— Возникла необходимость в расширении повестки канала «Иная жизнь». Помимо чисто краеведческого контента должна была появиться и современная проблематика. Мы решили сыграть на разнообразии в подаче информации, нам казалось, что от этого наш научно-популярный ресурс только выиграет. С этим напрямую связано и моё полноценное вхождение в проект.

Так появились видео о Ким Чен Ыне, аресте президента Южной Кореи, внешней политике Трампа, возможности избрания супруги Барака Обамы Мишель на пост президента Франции...

— Выбранная стратегия в итоге оправдала себя?

— В том-то и дело, что, как мы впоследствии выяснили, предложенная тема не вызвала широкого интереса.

> «Пользователи решительно потребовали отхода от современности. Они хотели знать — кем был Чингисхан, кто его поднял на белом войлоке, был ли он россиянином, то есть родился ли он на территории современной России и т.д.»

Мы, конечно, откликнулись, начали отвечать на вопросы. Но вместе с этим неожиданно пришло осознание, что как раз темы истории, культуры очень и очень востребованы.

— Как вы это поняли?

— Видеоролики на эти темы стали набирать до 55-65 тысяч просмотров! Довольно внушительная цифра для научно-популярного канала из Абакана. Так появились сюжеты о прародине тюрков, о том, являются ли киргизы древними жителями Сибири, в чём виноват Чингисхан и др. Готовя материал, выкладывая его затем на youtube-канале, мы в результате получили большую аудиторию.

И люди стали заходить на канал. Смотреть по часу-полтора наши видеолекции, сделанные во вполне академическом формате. В эфире мы с Леонидом Ерёминым регулярно обмениваемся репликами, отвечаем на ранее поступившие в офлайне пользовательские вопросы.

— И как сегодня вы можете описать свою аудиторию?

— Ядро нашей аудитории — это мужчины 40-50 лет. Не только представители сибирских регионов, но ещё и других, как правило, центрально-азиатских стран.

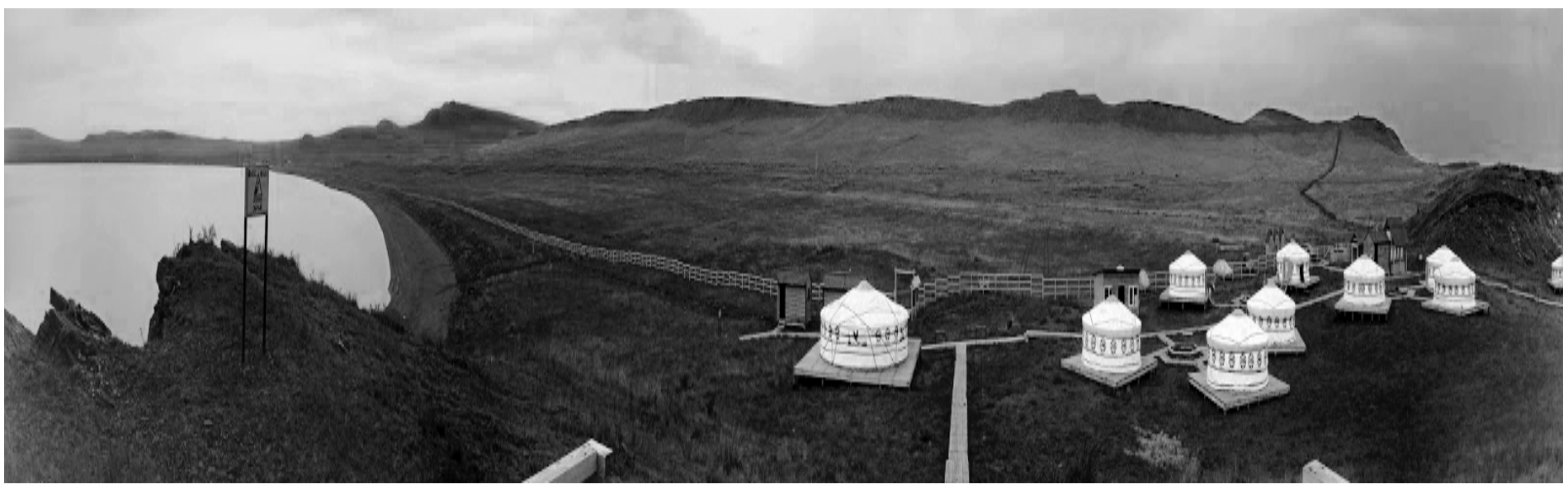
Мы это связываем с сохранившимся в этих странах традиционным отношением к России как к источнику научного знания на понятном им языке. На это накладываются и особенности восприятия людьми в том же Кыргызстане, Казахстане собственной истории. Она не отделена от них большим временным промежутком, история переживается очень близко как история предков. Весьма, если можно так сказать, интимно. И ушедшие, давно исчезнувшие народы, их герои продолжают оставаться крайне актуальными для самосознания.

— Можно ли сказать, что вы идёте навстречу ожиданиям своей аудитории?

— Отнюдь. Та же наша позиция, что тюрки являют собой, прежде всего, лингвистическую, а не этническую общность, — разве она может оказаться близкой и сколь-нибудь угодной сердцу носителя идей романтического национализма?

Это касается и исторических фрагментов. Например, когда мы говорили об Аттиле — реально существовавшем герое средневекового европейского фольклора. Многие ведь искренне верят, что это эдакий народный герой Азии, из её глубин когда-то крикнувший «вперёд» и достигший в итоге стен Рима. Мы же стоим на том, что Аттила, вообще-то, родился в Европе, в придунайских землях, более того — он европеец во втором поколении.

Не забывайте, что за историю юга Енисейской Сибири всегда шла борьба. В своё время финны искали свою прародину именно здесь. Кстати, они же первыми издали альбом загадочных на тот момент руническихнадписей Енисея. Не их вина, что потом датчанин ТОМСЕН определил эти надписи как памятники тюркоязычной письменности.



— А разрыв с текущей повесткой оказался полным и бесповоротным?

— Мы долго боролись, продолжали выпускать ролики о современности. Но видели, что их не смотрят. Было принято решение об изменении формата, скорее, даже сближении с историческим контентом. Появились сюжеты о трудных вопросах ЕГЭ, так называемая рубрика «в помощь школьнику». Говорим о норманской теории, выборе Александра Невского, о монголо-татарской и русской системозависимости — как вы знаете, понятие «иго» сейчас выведено из оборота. Пытаемся разобраться с теми ключевыми вопросами, с которыми сталкиваются школьники при подготовке к ЕГЭ по истории.

— Команда канала как-то отслеживает количество просмотров, статистику?

— На канал подписано сейчас почти три тысячи человек. Общий же объём просмотров сложно учесть — в сопоставимых величинах ролики смотрят «ВКонтакте», не только в нашем сообществе, но и на других ресурсах. Мы и в соцсетях стараемся отвечать на вопросы.

Приведу замечательный пример, связанный с историческим видеоканалом «365 дней». У них вышла запись с именитым тюркологом Дмитрием ВАСИЛЬЕВЫМ. На канале её просмотрели около 30 тысяч человек. А когда контент украли и перенесли на один из пантюркистских сайтов, то количество просмотров ролика на этом сайте составило под 400 тысяч человек. В итоге вопрос — как считать в таком случае всю совокупность просмотров?

— Обращаясь к актуальным историческим вопросам, часто ли вам приходится иметь дело с негативом, возможно — угрозами?

— Слоновья шкура на мне весьма толстая! Когда-то я несколько лет модерировал форумы ряда публицистических сайтов. Должен сказать, что угрозы жизни и здоровью тогда поступали почти ежечасно.

Мне кажется, на своём ресурсе мы постепенно меняем людей, они больше узнают, принимают правила поведения. Допустим, вопросы этнических процессов, которые мы поднимаем на канале, не столь однозначны, интерпретировать их большая проблема. Появляется флейм нездоровых комментариев. Но есть люди, обращающиеся к источникам, полемизирующие друг с другом, соблюдающие этику общения. Участвовать в этом процессе само по себе страшно интересно.

— Но взяться за научно-популярный канал — это всё-таки риск, на который не каждый решится. Что двигало вами?

— Когда я работал в ХакНИИЯЛИ (*«Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» — ред.*), одним из разделов отчётности был пункт о популяризации научных знаний. Оставшаяся ещё с советских времён форма, куда необходимо было внести количество публикаций в СМИ, встреч со школьниками и тому подобное. Закладывалась идея, что учёный должен был отдавать полученное знание, ведь Родина, общество выучили его. И я очень серьёзно воспринимаю эту идею для себя. Если хотите — это моя миссия.

У нас ведь в обществе довольно сильный обскурантизм, и с этим необходимо что-то делать. Я вижу хорошие образовательные ресурсы, неплохие научпопролики создают томичи, что-то пытаются сделать кемеровчане. Есть отличные столичные видеоканалы, тот же «365 дней» или проект «Арзамас». Конечно, у них совершенно другой технический уровень, но мы смотрим, какие-то решения принимаем для себя. И если поначалу на видеоканале «Иная жизнь» это было не столь явно, то сейчас элемент пропаганды научных знаний начинает существенно доминировать.

— Вы ведь преподавали в Хакасском техническом институте — филиале СФУ. Помогает канал в работе со студентами, смотрят они вас, задают ли вопросы на лекциях?

— О! Студенты — пытливые дети информационного общества. Они сообщают о твоём медийном статусе раньше, чем ты вообще увидел новый ролик на канале. Всё как в работах теоретиков современного социума: мы, старшее поколение, — робкие мигранты в новом прекрасном мире, где аборигены, коренные жители — это те, кто родился «со смартфоном в руках». Мне удавалось эту реальность использовать таким образом и ранее. Я «впихивал» содержание лекций по социологии и истории Хакасии вечером в Википедию, а потом наслаждался ответами студентов, распечатавших их с сайта утром.

— Какой бы совет вы дали молодым, пробующим себя в формате своего научно-популярного видеоканала?

— Осваивать техническую часть, изучать специальные программы, позволяющие работать с графикой, анимацией, мультимедиа. Использовать арт-мастерство, продукт должен быть hand made — штучным, уникальным, вашим, в конце концов!

Как бы банально это ни звучало, но гулять по городу, изучать его, посещать интересные и неизученные места. В этом ваши темы, контент, которым вы поделитесь с окружающими. И берите тем, чем богат молодой возраст — искренностью, эмоциональностью, напором.

— Хотелось бы спросить у вас как историка, публициста, человека, хорошо знакомого с реалиями юга Сибири — как в регионе воспринимается проект «Енисейской Сибири»?

— Проект действительно стал темой для обсуждения. В крае «Енисейская Сибирь» воспринимается вполне естественно, как инструмент взаимоотношения со своими ближайшими соседями. В Хакасии элиты видят в этом, скорее, сигнал, пожелание федерального центра. Это находит понимание, у проекта нет сколько-нибудь явных недоброжелателей.

Более выпукло ситуация выглядит в Туве. Не забывайте, что до 1944 года в республике существовали традиции собственной государственности, которые, безусловно, накладываются на современный политический процесс. Что мне нравится — в Туве всегда существовала оппозиция, есть каналы выражения недовольства. Например, через ту же хорошо известную даже за пределами республики газету «Риск». Но надо быть постоянно готовым, что в существующем в Туве дискурсе вы столкнётесь с довольно архетипическими образами, которые и мне-то не всегда понятны. Само изолированное положение Тувы способствует консервации мнений в ней. События постоянно воспринимаются через духовно-экологическую призму.

— Как это выражается?

— Есть, например, проект возведения железной дороги Курагино — Кызыл. То, что её строительство так и не началось, воспринимается положительно. Поскольку проведение дороги якобы грозит размыть духовность в республике. В пример, как правило, приводится Хакасия — вот, провели туда железную дорогу, и духовность как ветром сдуло.

— Если абстрагироваться от воли федерального центра, насколько сама Хакасия готова к интеграции с Красноярским краем в рамках «Енисейской Сибири»?

— В самой идее проектной интеграции я не вижу ничего плохого, более того, поддерживаю её. В конце концов, у нас довольно устойчив был миф об униженном положении Хакасии в составе Красноярского края. И, дескать, местные власти могли влиять только на два показателя: количество мест в кинотеатрах и в начальных классах. Всё остальное приходилось выпрашивать, выбивать у края.

Хорошо, теперь у нас республика, но каковы базовые условия её существования? Есть предприятия, существующие на территориях опережающего развития, ТОРах, но с них местные бюджеты не могут получить никаких налоговых отчислений.

В той же Туве, которая приравнена к районам Крайнего Севера, уровень зарплаты и пенсий в среднем в два раза выше, чем в Хакасии. Плюс бюджетное дотирование со стороны федерального центра по законодательству из-за той же приравненности территорий к Северу. Сравнение Хакасии с краем вообще выглядит невыигрышным — бюджетная обеспеченность на человека там в три раза выше.

Люди хорошо знают об этом, и если им объяснить, что «Енисейская Сибирь» не нанесёт никакого урона культуре, традициям, то идея найдёт ещё больший отклик.

— А какие конкретные решения были бы интересны в рамках «Енисейской Сибири»?

— В Красноярске есть замечательное место — остров Татышев. С интересной историей, связанной с качинцами, хакасской народностью, использовавшей остров в качестве зимней стоянки. И там, на острове, прекрасно было бы сделать этнопарк. Поставить юрты, разместить этнографический комплекс, знакомить людей с традициями и культурой народов Енисейской Сибири.

Я вообще не представляю, как можно написать историю Хакасии без Красноярского края и наоборот. Мы интегрированы историей, природой, географией. Надо только объяснять людям потенциал проекта. Не бояться заглядывать в будущее, может, даже привносить в неё долю научно-футурологического взгляда. «Енисейская Сибирь» — это ведь и связи с международными хабами, продолжение нашего меридиана в Китай и Индию. Здесь я большие надежды возлагаю на молодое поколение, оно всё же во многом лишено наших предрассудков.

— И в заключение — о ваших планах. Что нового и интересного мы сможем увидеть на канале «Иная жизнь»?

— Мы с удовольствием экспериментируем, и частью наших замыслов станет совершенно новый для нас видеоформат — стрим-канал. Мы уже провели в конце апреля в тестовом режиме первый 40-минутный стрим-ролик. Получен хороший отклик!

Стрим-канал позволяет в режиме реального времени отвечать на поступающие пользовательские вопросы. То есть мы войдём в ещё больший интерактив со зрителями. Уже в ходе тестового выпуска нам поступало множество совершенно разных вопросов. От ситуации с исследованиями в области горлового пения до распределения функций среди участников шаманского обряда. Конечно, это потребует от команды канала большей мобильности, но я уверен, что это — тот самый вызов, который нам будет вполне по плечу.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Вселенная **Даши Намдакова**

В апреле в особняке Гадалова открылась выставка Даши НАМДАКОВА «Сибирь. Преображение». Помимо участия в событиях, связанных с выставкой, всемирно известный скульптор провёл в Красноярске ряд встреч — с руководством края, со студентами, искусствоведами. Встреча в Музее СФУ получилась очень камерной. Художник рассказывал о своём детстве, об учёбе в институте, о новых проектах. Всё прозвучавшее и сама атмосфера знакомства с Мастером нам представляется таким же ценным, как и его работы. Пришлось лишь разбить двухчасовой разговор на отдельные сюжеты.

О ремесле и итальянцах

Я ездил в Италию как на вахту лет пять. Был вынужден это делать, потому что мои работы начали попадать в серьёзные музеи, и мне стали делать замечания коллекционеры: Даши, ты такой художник, но твоя бронза... Качество изготовления отставало. Я был вынужден искать хорошее производство и нашёл его в Италии. Маленький городок Пьетрасанта недалеко от Пизы. И если я в России отдавал свои формы в литейную мастерскую и каждый раз получал мини-стресс, и даже не мини, от полученного продукта, то с тех пор, когда отдал первую форму итальянцам, я сохранил столько здоровья! Они делают мою вещь ещё лучше.

У них есть культ мастера, культ ремесла. Все операции разделены на разные процессы. Скажем, есть мастер, который специализируется на плавке бронзы. Другие на обработке металла. Кто-то сварщик, кто-то делает патину. И всё с таким удовольствием! Очень гордятся: этим занимался ещё мой дед! Обрабатывают, песни поют. И никуда не спешат.

Это уважение к ремеслу — то, что мы, к сожалению, потеряли. Такая обида. Мне кажется, мы немножко больны, молодёжь наша... Не всем же быть банкирами, миллионерами. Кто-то должен и ремесло делать.

Меня пригласила Флорентийская академия художеств — самая старая, первым президентом её был Микеланджело. Они меня пригласили сделать выставку в стенах Академии. Для меня это была великая честь. Долго готовился, открыл выставку, на открытии состоялась месса, это было сюрпризом. Меня приняли в академики. И на этом закончилась моя эпопея итальянская, хотя мастерская там сохранилась.

О переезде в Лондон

Меня пригласили англичане. Дали уникальную визу, которая называется exceptional talent — исключительный талант. Они приняли закон, как делают американцы, которые собирают со всего мира талантливых людей во всех сферах. И такой же закон приняли англичане, и я был одним из первых, кого они по этому закону завезли в страну.

Меня познакомили с королевской семьёй, я ужинал в Букингемском дворце, общался с принцами. Мне сделали выставку, поставили моего Чингисхана в центре Лондона. Удивительная была история, когда парламент Великобритании разбирал вопрос, что же хорошего им сделал Чингисхан, чтобы ставить ему памятник, и недоумевали. Но это было моей авантюрой, я до последнего думал: когда же меня остановят, в какой момент это произойдёт? Но тогда были благоприятные времена.

О возрасте

Англичане, которые занимаются искусством в Великобритании, нежно ко мне относятся, у меня там мастерская, семья, дети. У меня трое детей, двое внуков, по той визе мы въехали в страну, живём, учимся и в школе, и в университете, старший сын работает.

Мы даже построились. Но как-то я заскучал. И этой весной говорю: Таня (жену мою Таней зовут), что мы с тобой тут делаем? Может быть, возраст пришёл — уже не пацан. А «не пацан» пришло года три назад, когда я делал выставку в Красноярске и встречался со студентами Художественного института. Я всегда себя считал молодым человеком, а тут смотрю: слушают, как гуру, и такая тишина в зале, аж муху слышно, буквально. И вдруг я понимаю, что эта молодёжь моложе моих старших детей. И я в одну секунду изменился. Понял, что я — человек уже взрослый и имею какую-то ответственность. Когда ты — уже поколение отцов, есть ответственность, и это резко в голову пришло.

О корнях

Мне показывали фотографии основателей СФУ, один из них — очень уважаемый человек, для меня является куратором по жизни. Вы все его хорошо знаете, это Сергей Кужугетович Шойгу. И он мне говорит: Даши, давай, заканчивай путешествия, возвращайся. Надо жить на родине, надо быть полезным родине. И я в задумчивости. Это совершенно не имеет отношения к политике, это произошло раньше нынешнего ухудшения отношений. И если возвращаться, я бы даже хотел вернуться в свою деревню, завести табуны... Я понимаю, что это нереально: есть дети, внуки, масса обязательств. Но в идеале я бы жил у себя в деревне, чтобы она выжила, существовала. Деревня везде сейчас умирает, и трудно на это повлиять. К сожалению. У меня ощущение, что горят корни.

Кстати, раньше я ездил отдыхать куда-нибудь в Гренландию или Непал, сейчас из Лондона езжу в Россию.

О 23 коленах своего рода

Насколько корректно говорить про свою семью, но мне кажется, это реально уникальное явление. Явлению этому 23 поколения. У нас сохранилось родовое дерево, которое переписывалось многими поколениями. 23 поколения предков по отцовской линии, чьи имена мы знаем.

Не знаю никого, кто бы помнил 23 колена своих предков. И не понимаю, как это произошло. Мои родители работали в колхозе, у отца 1 класс образования, у мамы 4 класса. Кто они были, кем, если сохранили 23 колена своих предков? Наверное, это не простые люди.

В моей жизни всё непросто. Я порой себя чувствую Гарри Поттером, столько интересного происходит со мной.

О влиянии отца

Когда я поступал в институт, у меня не было никакой школы. Школой был мой отец. Отец — очень творческий человек, по потенциалу он сильнее, чем мы, дети. У него какая-то сумасшедшая внутренняя сила и абсолютный вкус. Я помню, у нас в детстве везде валялись тюбики из-под масляной краски. Он находил где-то репродукции малых голландцев и писал копии. Потом он сломал ногу и научился ткать ковры. И мы, все 8 детей, участвовали в этом. Мы были безумно любопытны, и он нас всех вовлекал в этот процесс. Мы ткали ковры, писали маслом, делали чеканку. Школы у нас не было в деревне, мы на всю неделю уезжали в интернат; и я оттуда притаскивал консервные банки из-под сгущёнки. Мы с отцом отмывали их, вырезали металлический диск, и отец находил время, показывал, что такое чеканка. Все выходные с отцом этим занимались.

Мы писали буддийские танки (*изображение, преимущественно религиозного характера, выполненное клеевыми красками или отпечатанное на ткани, — ред.*). У меня очень верующие родители, и отцу заказывали для дацанов. Мы садились на этом полотне, мал мала меньше, и каждому отец давал кисточку и говорил, что это буин, по-бурятски — богоугодное дело. И во всех детях осталась эта важная мысль — богоугодное дело.

О призвании

Мне было интересно всё это. Я рисовал, чеканил, резал. Как и мои братья и сестры. Мы жили в такой атмосфере.

Потом моя сестра, которая поступила в московское училище, писала мне письма со своих лекций — что такое тень, что такое полутень, и для меня это было первыми уроками.

А как-то учитель литературы сказала: в воскресенье приезжай ко мне на мотоцикле. Из школьной библиотеки она вытащила десятитомник «Школа изобразительного искусства». Он был в одном комплекте, она мне в рюкзак засунула: никому не говори, это тебе нужно будет. Письма сестры и этот десятитомник были моими учебниками.

Ездил в Москву поступать, первый раз провалил диктант. Второй раз не прошёл по конкурсу, хотя я чувствовал, что самый сильный. Но школы не было. Я клал штрихи брутально, хаотично. Второй раз возвращаюсь поездом домой, и так стыдно-стыдно: что мне родители скажут, что у них сын глупый? Подъезжаю к Новосибирску и думаю: наверное, в этом большом городе что-нибудь есть для меня. Спрыгиваю. Нашёл архитектурный факультет, поступил туда. Среди огромного количества абитуриентов — набирали 5 групп — только два человека нарисовали рисунок на пятёрку: я и ещё один молодой человек. И каждый раз, когда мы приходили на следующие экзамены, нам говорили: а, это вы пятёрку получили! Четвёрки вам достаточно? Так оказался я среди первых в списке, кто поступил в институт.

На первом курсе не было скульптуры, преподаватель читал второкурсникам. Я находил кусочки дерева, резал их и ему показывал. И он говорит: знаешь, Даши, ты не архитектор, ты скульптор, тебе здесь делать нечего. А я сам чувствовал.

В общем, бросил институт и уехал. Поступил в Красноярский художественный институт.

Об учителе

Всегда считал, что не там учусь. Всегда казалось, что я должен учиться в Москве, в Питере. А сейчас понимаю, как мне повезло, что я поступил в Красноярске. Я был бы совсем иным художником. Всё равно бы был, но другим.

Лев Николаевич Головницкий — тот, кто стал моим учителем. Он меня любил. Я его любил. Я хотел бросить учиться, мне было тесно, не интересно, хотелось рвать и метать в творчестве. И уже успехи пошли, было видно на втором, третьем курсе, что уровень есть. И вот приезжаю на 4-й курс, думаю: брошу. Поговорю с Львом Николаевичем, он, конечно, обидится, но уеду. А надо было учиться 6 лет на академических специальностях. Встречаюсь с однокурсником. Он мне говорит: Лев Николаевич тебя зовёт, он в больнице. Он был астматик. Прихожу, он говорит: можешь мне не рассказывать, я чувствую всё, что в тебе происходит. Пока ты отдыхал на каникулах, я договорился: мы будем в этом году защищаться. Я: каким образом? 4-й, 5-й, 6-й курс ещё учиться. Он: я со всеми договорился. А он был первым, кто открывал наше отделение Академии художеств, бог и царь за Уралом. Имя гигантское. И он забрал меня из института. Дал мастерскую на Предмостной среди аспирантов. И каждый день ко мне ходил.

Приносил книги из личной библиотеки. И мы с ним просто окунались в эпоху. Я помню, мы там в Ассирии летали на колесницах, отстреливались от львов, успевали фараона защищать... Мы погружались в разные эпохи. И он персонально занимался только мной. Про аспирантов, которые приехали из Мухинки, из Суриковки, из Репинки, он говорил: они уже боги, считают себя богами. А ты как губка. И ещё говорил: пройдёт лет пять, и ты только тогда начнёшь понимать, о чём мы сейчас с тобой говорим.

И прошло много лет, я сидел в Британском музее напротив ассирийских рельефов и вспоминал Льва Николаевича с благодарностью.

Я не знаю ни одного из моих коллег из разных вузов страны, с кем бы так исключительно занимались. Педагог раз в неделю придёт, пожурит тебя... И если бы так — у меня всё могло быть по-другому.

О дипломной работе

Я вчера был в институте, и мне приятно — моя дипломная работа стоит в коридоре, где мастерские. Работа сделана из глины, называется «Гэсэр» — это наш бурятский героический эпос, ему тысяча лет. Вообще это сложно — такие большие произведения в скульптуре выразить, в одном образе, да и я был сырой-сырой тогда. Здесь хороши были бы книжные иллюстрации.

О жизни до известности

После окончания института я поехал в Улан-Удэ. Литейного производства нигде не было, и я начал с маленьких вещей. Пошёл в ювелирную мастерскую научиться ремеслу. Потому что на скульптуре нас учат лепить, рисовать, но никто не учит бронзу отливать. И я начал осваивать ремесло ювелира. Потом занял 3 тысячи долларов, поехал в Новосибирск, купил оборудование — центрифуга, паяльники, напильники... Для меня эти 3 тысячи долларов и уникальное швейцарское оборудование были как космический корабль. Я просто обалдевал от всего этого.

И прошло опять время, лет 12, я уже делал выставку в Нью-Йорке. Мне надо было купить кое-какие подставки под ювелирные вещи, и меня привезли в магазин, где продаётся ювелирное оборудование. Я надышаться не мог на свои напильники, а тут был так расстроен – суперсовременные технологии появились, компьютеры. И я понял, что ювелирка мне не интересна больше. Когда теряется интерес, ты теряешь что-то важное в жизни.

В общем, я научился этому ремеслу в Улан-Удэ, открыл свою мастерскую в Доме быта — 2 на 3 метра комнатка. Паял цепочки, ремонтировал за 15 рублей. Это были 90-е годы, я научился у одного армянина вязать цепи и на этом зарабатывал.

Потом начал ездить на завод «Теплоприбор», там был уникальный человек, начальник цеха, где отливали вентили из латуни для сантехнических нужд. И мы с ребятами, которые интересовались буддийским литьём, начали с ним экспериментировать. Практически весь свой семейный бюджет я отдавал на эти эксперименты. Но я понимал, что могу состояться скульптором, только поставив технологии. Первая вещь, которая была мной отлита, называлась «Звездочёт».

Таким образом, зарабатывая деньги и экспериментируя с литьём, я насобирал работы на свою первую выставку. В 1992 году закончил институт, в 2000-м сделал выставку — 8 лет ушло.

О первой выставке

Я открыл выставку в Иркутске, и это было как взрыв атомной бомбы. Удивительная штука: периферийный музей открыл двери куда угодно за секунду.

Мне стукнуло 33 года. Это случайно получилось: назначали открытие за полгода, а попали на мой день рождения. Огромный интерес был к выставке. Я думаю: просто здесь — мой регион. Но поехали в Москву — то же самое. Поехали в Германию. А потом понеслось с огромной скоростью, набирало обороты. Столько удивительного произошло, и именно благодаря искусству.

О куклах семьи Намдаковых

Так же, как деревню мне было жалко, мне было жалко семью. Потому что была идеальная атмосфера, и она куда-то делась: замуж вышли, женились, я уехал. И однажды я собрал своих братьев и сестёр: давайте подумаем, что бы мы могли вместе делать. Мы же ремесленники, всё умеем. Мы шили унты ещё в советские времена, зарабатывали на жизнь; мама их продавала.

И мы придумали историю. Это уже после фильма «Монгол», где я насмотрелся на изготовление костюмов, научился работать с профессионалами. Мы начали штурмовать эту идею, и продуктом стали куклы. Как только мы коллекцию сделали, и я выставил её в галерее Бронштейна в Иркутске, приехала делегация музейщиков из Пекина, забрали всё и возили по Китаю. Мы еле-еле вывезли коллекцию оттуда.

(Окончание на стр. 14)

«Чингисхан»

Вселенная **Даши Намдакова**

(Окончание. Начало на стр. 12)

Построили мастерскую — второй этаж над домом родителей. Все мои братья и сёстры участвуют в этом проекте. Каждый день приходят к себе на работу — соответственно, к папе и маме, которые тоже вовлечены в процесс. И я спокойно могу ездить по миру. У нас, у бурятов, родители, отцовский дом — на младшем сыне. А я — младший сын, соответственно, должен жить с родителями. И теперь я создал условия, когда родители не одни, и я могу временно отлучиться.

Таким образом искусственно мы вернули то, что было в детстве, и все получаем огромное удовольствие. Сестра закончила училище театральное в Москве, она парики делает на кукол. Берут конский волос, волос яка, плетут косички. Брат — ювелир, делает ювелирные детали. Это всё старится, красится... Ткани рукодельные. Кожа, вышивка. Мама бисер собирает. Даже отец, хоть старенький, нанизывал бисер на нитку, все его хвалили, пока он не сообразил, что после него весь бисер перебирают.

О смене вкусов

Раньше приедешь в какой-нибудь Токио, в Музей современного искусства — залы пустые. Я думаю: для чего это? Когда в ту же Японию привезли из США коллекцию классического японского искусства, которая была в своё время вывезена, километры очереди выстраивались. Вот реально то, чем люди интересуются, думал я.

Но сейчас я совершенно изменился как художник. Благодаря Лондону. И сейчас мне нравится современное искусство. Это меня радует, потому что как художник я должен меняться. У меня в прошлом году произошёл прорыв в эту сторону, после того как я сделал в Улан-Удэ скульптуру «Хранитель Байкала»

О подарке Родине

Мне стукнуло 50 лет не так давно, и я хотел сделать подарок от себя Родине. И сделал «Хранителя Байкала». Эта вещь неслучайная, это однажды пришло, постучалось ко мне снизу.

Я хотел что-то, связанное с Байкалом, и начал искать сначала место. Облазил весь бурятский берег, ничего не нашёл. Я должен был что-то почувствовать. Поехал на иркутскую сторону, лазил по берегам, тоже ничего не произошло. Приехал на Ольхон, там всё так затоптано, столько туристов — не интересно.

И вот мыс Хобой, самая северная точка острова Ольхон, поднимаюсь на берег, а он метров двести над уровнем моря, и меня начинает колбасить, трясти изнутри. И я понимаю: ты нашёл.

При этом не было образа, я не знал, что это должно быть. Уже темнело, я уехал. На следующий день за завтраком беру салфетку, и этот образ на бумаге просто как на принтере проявился.

Я понял, что это место и этот образ — они пришли. И начал делать. Позвал ребят наших красноярских — исключительные ребята, выпускники нашего Художественного института, такие дружные, великолепные, частенько приезжали ко мне в Италию, в Улан-Удэ. Мы сделали эту вещь. Многим она будет непонятна, её будут критиковать. Потому что она не популярна, не попса, серьёзная.

О родовом дереве

Мои предки ходили на Утайшань, там есть очень сильные духовные места. В нашей деревне начался мор, и один из моих предков поехал за помощью. Ему сказали: возвращайся на родину, у вас будут два огромных кедра — ваше родовое место, оно будет вас беречь. Вернулись, нашли огромный кедр — вокруг больше ни одного — и это стало родовым местом. Но постепенно предки забыли про это место, и я, младший сын из рода, был за это наказан долгой болезнью. Шаманка исцелила меня. А потом мне приснился сон, что второй кедр, который мы должны были найти, я должен как художник родить. И появился «Хранитель Байкала».

Сейчас я не совсем понимаю, как его установить. Я его не могу установить в другом месте, потому что мне постучали именно на Хобое. А там народные волнения, люди не хотят, по понятным причинам, чтобы на святом месте была скульптура. И должен ли я прилагать усилия для того, чтобы это сделать, правильно ли это? Для меня как человека ответственного это огромный вопрос, основной на сегодня.

О проекте, который может не состояться

В Китае я работаю с компанией Джеймса Кэмерона, они в моих объектах готовы сделать и снять некие истории, когда люди попадают в разные эпохи из прошлого Китая. Я им абстрактно раскидал 8 лошадей в степи, как бы археологи нашли, подняли, ты подъезжаешь, там внутри отели, развлечения, гостиницы... Это гигантский проект. Начинали с малого, а потом говорят: разыграем большую историю, чтобы это вошло в ТОП-20 мира. В общем, уводили-уводили и увели в нереальность проекта. Хотя Китай — удивительная страна, могут и осуществить.

О «Царской охоте»

О скульптуре для Тывы меня попросил Сергей Кужугетович. Он говорит: съезди ко мне на родину, посмотри. Я прилетел, познакомился с Шолбан Валерьевичем (*глава Тывы Ш.В. Кара-оол. — ред.)*, мне всё показали, рассказали. История у Тывы богатейшая — аржаны, Долина царей. Но и до этого я был знаком с коллекцией скифского золота, эту тему я хорошо знаю. Долина царей меня зацепила. Я стал думать: надо её вытягивать. Пара — он и она — их надо оживить. И я их отправил на царскую охоту. Причём он-то навоевался, ему охота не интересна, он сопровождает свою даму, и это не должно быть темой военной, это тема дружелюбная.

На таких монументальных работах много реальных артефактов. Но я для себя решил, что это не обязательно. Вселенная кочевников — гигантская, моя любимая тема, я напихал туда много чего, но в принципе попытался попасть стилистически, географически и по времени. Понятно, что это вымышленный мир, но он должен быть убедительным. Художник — он же фантазёр, он может соврать, но убедительно.

Я делал памятник предкам, которые населяли эту землю. Какая цивилизация! И никто её не знает. Восьмой век до нашей эры — а вы их костюмы видели? В это время в Европе были варвары, а у нас такая цивилизация. Кто они? Кем они были? Имеет ли к нам отношение, не имеет, но происходило на нашей земле.

О проекте для Красноярска

Мы разговаривали с Александром Викторовичем Уссом — что можно сделать для Красноярского края. Эта тема безумно мне интересна, это тема моя, и я готов в неё погрузиться. У меня всегда так — я погружаюсь. Не умею работать сразу в нескольких направлениях. Я прокладываю сначала рельсы, и туда запускается паровоз. Свернуть сложно. Вытянуть меня оттуда сложно. Конечно, это будет не «Царская охота». Я изменился как художник, сейчас чувствую себя на пике формы, и если буду что-то делать, то совсем другое. Кто мы, сибиряки, по большому счёту? Европа или Азия? Этот вопрос и всей России касается. Где ответы?

О новой коллекции

В прошлом году со мной произошло нечто небывалое. После «Хранителя Байкала» я уехал к себе в мастерскую, и меня попёрло. Впервые в жизни я осознанно сделал коллекцию из 20 работ в течение двух месяцев. Я просто приходил утром на работу, потом измочаленный домой, и обычно я сразу на боковую, а тут шёл к себе в кабинет, и у меня прямо выливалась ещё одна работа. Делал их с жадностью. И думал: как долго это будет продолжаться? Продолжалось два месяца, ни одного дня не терял, без воскресений. А потом — бах — само остановилось, и всё. Я был выжат. И думал: что это было? Видно, я сделал какое-то большое богоугодное дело, и ко мне прилетело в ответ. Тогда понял, что это связано с «Хранителем Байкала», за него мне дан подарок.

А новая выставка на финише в итальянской мастерской. Пока не знаю, как и где её показывать. Но это нечто новое. И это влияние Лондона.

О дипломатии

Все люди с постсоветского пространства для иностранцев — русские. И мы носим это с честью. Однажды мне даже наш посол в Великобритании Александр Яковенко сказал: я тебе благодарен от лица государства. Потому что я часто делаю проекты от имени России. И получается – я тоже посол.

О проекте Парка РГО с выброшенным на берег мамонтом

Я бы хотел, конечно, этот проект реализовать в Сибири. Его можно сажать хоть куда, но нужна большая вода. Проект уникальный, настолько имиджевый. Помните Музей Гуггенхейма в Бильбао? Кто бы знал этот город в Испании, если бы не музей — для своего времени он был прорывной в плане архитектуры.

Проект с мамонтом — тоже такой. Если его поставить, все будут знать, где это находится.

В мае 2015 года у Мраморной Арки в Лондоне была временно установлена скульптура «Хранительница»

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Организаторы красноярской конференции кадровиков перед открытием

Перед кем компании готовы плясать с бубнами

Жизнь переместилась в Интернет — туда же ушли поиски работы и новых сотрудников. Как цифровые технологии меняют красноярский рынок труда и само отношение к «перемене мест», рассказывает Елана ТАРАЩУК, руководитель пресс-службы по СФО одной из самых известных компаний интернет-рекрутмента HeadHunter.

— Елана, для понимания: какую часть рынка труда охватывает «Хэдхантер»?

— И в Сибири, и в России мы в числе лидеров: у нас самое большое количество и соискателей, и вакансий. В Красноярском крае на HH размещено 311 тысяч резюме, и каждый месяц мы прирастаем в среднем на 46—50 %. Те, кто раньше искал персонал или работу другим способом, например через газеты и доски объявлений, теперь вышли в Интернет. На фоне 18-летней истории HeadHunter'а это очень заметно.

— Сколько лет вы сами работаете в компании и откуда пришли в HR?

— Я работаю здесь 8 лет. По первому образованию филолог, по второму — журналист. Больше 5 лет работала на телевидении, затем решила сменить сферу деятельности и оказалась в пиаре. Отмечу, что «Хэдхантер» не занимается подбором персонала: мы лишь предоставляем площадку для соискателей и компаний, чтобы они могли быстрее найти новое место или качественнее решить задачи набора сотрудников. Конечно, мне очень интересна эта тема, как и многим людям, которые периодически меняют работу.

Что нравится в HH лично мне: помимо основных задач наша компания активно выполняет социальную функцию. Проводит семинары для соискателей, рассказывает, как найти подходящую вакансию, как повысить эффективность сотрудников. HeadHunter помогает с работой тем, кого сократили на прежнем месте, словом, проявляет социальную ответственность, и мне это симпатично.

— «Хэдхантер» — это калька с зарубежного проекта?

— Нет, это оригинальный продукт, который изначально создавался для кадровых агентств. Но по мере распространения Интернета, роста его доступности HH постепенно расширялся и стал базой резюме и вакансий. Всё это обрастало новыми сервисами и техническими возможностями.

— Давно ли компания работает в Красноярске и в чём особенность красноярского рынка труда на фоне других сибирских городов?

— В Красноярске, как и в Новосибирске, мы уже 12-й год. Ситуация в крае не слишком отличается от сибирской в целом. Во всём регионе достаточно велика доля производственной сферы и сферы IT-технологий, поскольку в Сибири довольно много производств и вузов, выпускники которых высоко ценятся работодателями.

Ещё одна особенность — наличие большого числа вакансий, предполагающих переезд. В основном в производственной сфере, IT, сфере рабочего персонала. Красноярцев и сибиряков охотно берут на работу в других регионах.

При этом в СФО достаточно много соискателей, готовых переезжать. Не секрет, что многими из них движет желание сменить климат. В столице края и в Новосибирске таких людей около 26%, а вот в Омске — 34%. Таковы, пожалуй, основные отличия местного рынка труда.

— А если клеить ярлыки, то край скорее «Сырьевой придаток» или «Технологическая долина»?

— Сырьевым придатком его точно нельзя назвать. Здесь хорошо развито производство, востребованы самые разные специалисты. Так что это самодостаточный регион, который, я уверена, будет развиваться и в дальнейшем.

— А если сравнивать с Новосибирском в том вечном споре, кто более достоин называться столицей Сибири?

— Глобальных отличий нет: средняя зарплата составляет в обоих регионах 35 тысяч рублей. Но в силу географического положения в Новосибирске рынок труда более динамичен, и до него быстрее доходят западные тренды. Кроме того, там на порядок больше IT-специалистов — это связано и с бОльшим количеством профильных учебных заведений, и с работой значительного числа небольших IT-компаний. Так сложилось исторически.

— До Красноярска тренды тоже доходят и каковы они?

— Как я уже упоминала, рабочий персонал становится всё более активным, широко используются мобильные приложения, социальные сети, очень многие процессы автоматизируются. Если недавно эйчар (от HR — специалист по работе с персоналом) был гуманитарием, в основном работающим с людьми, то сегодня требования к профессии изменились: он должен хорошо разбираться в программировании, понимать, какие процессы можно автоматизировать.

Обо всём этом говорилось на недавней региональной HR-конференции HRust-2018, проходившей у вас в Красноярске, в СФУ, где HeadHunter выступал с сообщениями о сибирском рынке труда и его технологичности. Было интересно познакомиться с опытом других компаний, узнать об изменениях в подготовке эйчар-специалистов.

— Один из участников конференции, Денис ОЛЕЙНИК из Москвы, рассказывал об использовании в работе робота-рекрутера. Как к этому опыту относятся в вашей компании?

— Среди наших продуктов есть чат-боты, помогающие в подборе персонала. Это удобно, когда идёт набор людей на массовые позиции. Большому количеству соискателей требуется задать вопросы об образовании, готовности работать в определённом графике и прочем. Много сотрудников сразу, например, требуется в ретейл, банковскую сферу для работы в Call-центре. Раньше для обзвона кандидатов использовали, например, стажёров, и потому нередко в процесс вмешивался человеческий фактор. Роботы же позволяют сэкономить время, упростить процедуру набора. Их применение — это уже повседневная реалия нашей жизни.

— Кроме автоматизации, что нового ещё происходит в вашей сфере?

— Большое место стала занимать аналитика. Например, три года назад в нашей компании появился такой продукт, как «Банк данных заработных плат». Работодатели вносят в эту базу реальные зарплаты своих работников, чтобы сравнить себя с конкурентами, посмотреть, «в рынке» ли они. И если раньше довольно сложно было предлагать работодателям такую возможность, то сегодня они понимают, что следует активно работать с цифрами, и охотно размещают такие сведения в банке данных.

— Много ли в Красноярском крае предложений работы с высокой зарплатой?

— Примерно как везде. В основном это вакансии для топ-менеджмента в сферах добычи сырья или IT, строительства. Но высокооплачиваемые позиции, от 100 тысяч рублей в месяц и выше, появляются и в других сферах. Конечно, они предназначены для опытных специалистов, имеющих навыки, контакты, умеющих управлять коллективами. Соискателям нужно подходить под эти требования.

— И насколько красноярцы им соответствуют?

— В Красноярске отличные учебные заведения, а кроме того, есть возможность получить хороший опыт. Но цель для соискателя должна состоять не в том, чтобы найти такую вакансию, а чтобы вырасти до неё, стать специалистом, которому будут готовы платить высокую зарплату. Наработать навыки и компетенции для такой работы.

— Нехватка каких специалистов ощущается в крае, судя по предложениям работы?

— Программистов, сотрудников сферы продаж, рабочего персонала — именно высококвалифицированного, тех же токарей и сварщиков. Это, пожалуй, основное.

— На недавнем Красноярском экономическом форуме говорилось о реализации серии больших инвестиционных проектов «Енисейская

Сибирь». Хватит ли в крае кадров для их обеспечения?

— По идее, Красноярск большой город, и основную потребность в сотрудниках можно будет закрыть в крае. Ну а в случае их нехватки можно обратиться к соседям. Компании спокойно относятся к привлечению кадров из других регионов, тем более что Красноярский край для специалистов из Забайкалья, Бурятии — довольно привлекательный регион, куда они охотно едут.

— Встречались ли вам необычные предложения работы, такие, что хочется бросить всё и наняться в эту компанию?

— Безусловно, бывают интересные предложения: какой-нибудь председатель партии, например... Сейчас в крае много любопытных вакансий появляется в связи с Универсиадой. Конечно, на необычные вакансии всегда обращаешь внимание, но вряд ли всё бросишь и пойдёшь.

— Каков сегодня в крае баланс между предложениями работы и её поисками?

— Сейчас в базе HH находится в среднем 5 резюме на 1 вакансию. Это в пределах нормы, то есть при таком соотношении и работодатель может найти сотрудников, и соискателю нетрудно устроиться. А вот когда резюме и вакансии соотносятся 2 к 1, у компаний начинаются проблемы с поиском работников.

К примеру, в сфере управления персоналом и тренингов сейчас на 1 предложение подаётся менее 3 резюме. Связано это с тем, что ещё с 2015 года в ряде профессиональных областей, например банковской, начали осторожничать с поиском работы. Если до этого специалисты спокойно меняли место, размещали свои резюме, искали новую работу с лучшими условиями, то сейчас они предпочтут отсидеться в своём офисе и не менять, скажем так, шило на мыло. Эйчары, к примеру, среди которых в период кризиса было много сокращений, лишний раз искать новую работу не пойдут.

Работодатели испытывают недостаток кадров в IT, рабочего персонала, в продажах, где на одну вакансию приходится не более 2 соискателей.

А вот дефицит вакансий сохранится в ближайшие годы в сфере высшего менеджмента, транспорта, логистики, бухгалтерии. В последней — в связи с тем, что слишком много учебных заведений сегодня готовят таких специалистов. Сюда же можно отнести и юристов: резюме много, вакансий недостаточно.

— А медицина и образование, другие бюджетные области? Или строительство: здесь сейчас наблюдается спад...

— Я бы не назвала медицину бюджетной: в Сибири наблюдается бум частных заведений, и с каждым годом их открывается всё больше. В этой сфере есть недостаток специалистов. Количество соискателей увеличивается медленнее, чем число вакансий, которые за год прирастают вдвое. Так что соотношение в медицине — только 2 резюме на одно предложение.

В образовании чуть легче, примерно 3—4 резюме на одну вакансию. Острого дефицита кадров здесь нет, тем более в период окончания учебного года, когда на рынок выходит много свободных учителей, решивших сменить работу и публикующих свои резюме.

В строительстве как раз спрос сейчас довольно высокий, поскольку начался сезон. Даже при сокращении жилищного строительства. Стройки обычно оживают по весне, и специалисты очень нужны. Думаю, этот спрос снизится к середине лета.

Вообще говоря, число вакансий всегда должно быть меньше количества соискателей, иначе не будет обеспечен качественный подбор сотрудников.

— Появились ли за последние три года на сибирском рынке предложения работы, которых раньше не было?

— Да, и это снова сфера информационных технологий. Например, требуются специалисты по блокчейну, криптовалюте. Если говорить про сферу управления персоналом, то стали нужны тренеры — ещё совсем недавно такие предложения встречались очень редко, а также коучи, психологи в организации. Заметно вырос спрос на тех, кто будет развивать персонал, займётся планированием карьеры.

> «Общая тенденция такова — эйчар становится бизнес-партнёром руководителя. Чтобы бизнес развивался, надо уделять особое внимание своим сотрудникам. И успеха достигают только те, кто умеет смотреть вперёд и планировать будущее компании.»

— Если говорить о предложениях работы из других городов, то кто набирает сибиряков чаще других?

— Компаниям не принципиально, где набирать специалистов. Конечно, часто вакансии размещаются в тех регионах, где работают предприятия-конкуренты или много учебных заведений. Сотрудников везут откуда угодно. Много предложений работы в крае и в Сибири из Подмосковья, а в связи с программами развития Дальнего Востока немало вакансий и в дальневосточных регионах.

— А иностранные компании часто ищут сибирских сотрудников?

— Да. Например Китай, который расположен не так далеко. Часто в эту страну требуются специалисты-производственники, инженеры, айтишники, в том числе те, кто может работать дистанционно.

Рынок труда в последнее время становится всё мобильнее. К людям приходит понимание, что, вопреки русской пословице «Где родился, там и пригодился», во всём мире предпочитают жить там, где есть работа. И вполне нормально собраться и переехать на новое место. Как соискатели, так и работодатели спокойно относятся к иногороднему набору. Тем более что всегда есть возможность перед приёмом на работу провести видеоинтервью, поговорить с кандидатом по скайпу. Достаточно много тех, кто этим пользуется, активно набирая специалистов в других регионах.

— Становятся ли в последнее время выше требования соискателей к новому месту работы?

— Не сказала бы. Всё также на первом месте зарплата, затем так называемые гигиенические факторы: близость проживания к месту работы, далее — возможность карьерного роста, коллектив... Требования специалистов не ужесточились. С 2015 года в подавляющем большинстве сфер рынок остаётся работодательским, компании могут выбирать себе сотрудников. Но в отдельных областях наоборот. Например, те, кто набирают IT-специалистов, разве что с бубнами не пляшут, завлекая сотрудников.

— Так вот по каким специальностям надо отправлять детей учиться...

— Нет. Так думают многие, но на 100% проверено, что востребованным специалистом будет только тот, кому нравится его работа. Можно дать ребёнку отличное образование на факультете программирования, но если выпускник не любит то, что он делает, работодателю он не будет нужен.

— Растут ли в крае зарплатные предложения?

— Да, но не быстрыми темпами. Согласно Банку данных заработных плат, реальные зарплаты начали расти только с прошлого года, причём в среднем лишь на 1—2 %. Что интересно, они увеличиваются не у руководителей, а у специалистов и ведущих специалистов: так компании стараются простимулировать тех, кто уже зарекомендовал себя в качестве профессионала. Это лучше, чем брать новых сотрудников и обучать их.

— Каковы сибирские зарплаты на фоне других регионов?

— Дело не в зарплате, а в стоимости проживания... На Дальнем Востоке или в столицах платят больше, но жизнь там дороже. В европейской части России заработные платы несколько выше, хотя в Екатеринбурге, например, работники получают примерно столько же, сколько и в Красноярске.

— В среднем за какое время в Красноярске можно найти работу, а компании — сотрудника?

— Примерно от 1 до 3 месяцев. За этот срок вакансию удаётся закрыть.

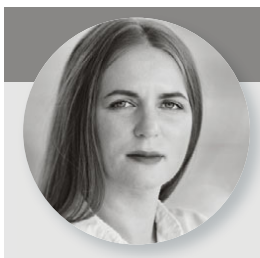
— Елана, и напоследок: что бы вы посоветовали и работодателю, и соискателю?

— Работодателям, которые долго не могут найти себе сотрудников, я бы рекомендовала ещё раз пересмотреть описание предложения: возможно, вы предъявляете завышенные требования к кандидатам на место, либо подобного специалиста просто не существует. Такое тоже случается.

Что касается соискателей, то, наверное, главное — не бояться время от времени менять работу. Кроме того, стоит внимательно относиться к предложениям, задавать как можно больше вопросов, чтобы представить не только полную картину того, что потребуется делать, но и перспективы своего нового места.

Лично меня очень радует позитивная динамика в производственной сфере края. Если специалисты востребованы, значит, промышленность, экономика живы и развиваются.

комментарий



Елена РОНГОНЕН, доцент кафедры управления человеческими ресурсами СФУ, сертифицированный тренер, коуч ICF:

— Идея конференции возникла сразу у нескольких красноярских профессионалов-практиков HR. Мы пообщались и решили — делаем! Координирующим центром стала Наталья САГИТОВА, директор рекрутингового агентства PEOPLE.

Мне кажется, когда что-то считаешь важным, браться за это необходимо. Я работаю в HR 16 лет и выстраивала политику управления человеческими ресурсами в крупных международных и российских компаниях—лидерах. Поэтому я точно знаю: у компании может быть лучшая стратегия и лучшее оборудование в мире. Но если вы не покорили сердца и умы людей, которые работают с вами, ничего из того, что вы придумали, не воплотится в жизнь.

Мне важно, чтобы Красноярск был городом высокой управленческой культуры, с привлекательным для людей уровнем менеджмента и сильными профессиональными союзами; чтобы сама среда была развивающей для тех, кто здесь живёт и трудится. Грамотная, обдуманная работа с людьми решает очень многие вопросы. Мечтаю, чтобы HRы видели Красноярск как город, в котором можно развиваться, куда нужно вкладывать свой потенциал, где хочется создавать профессиональные сообщества. Повышая управленческую культуру компаний, мы создаём другой уровень коммуникаций и решений. «Чтобы привлечь и удержать на работе умных людей, необходимо обеспечить им возможность общаться с другими умными людьми», говорил Билл ГЕЙТС, сооснователь Microsoft.

Поэтому на конференцию HRust мы привезли лучшие практики работы с людьми — к нам приехали спикеры из Москвы, Санкт-Петербурга, Львова, Новосибирска, Иркутска, Екатеринбурга. Удалось увидеть немало интересных проектов. Например, об игровых подходах к оценке персонала, фасилитации — организации самоуправления в коллективе сотрудников; о приёмах, позволяющих «считывать» информацию о человеке за полчаса профессионального общения с ним, и многом другом. На конференции я наблюдала, как образуются новые союзы, люди договариваются о встречах и обучениях — и это то самое живое общение, которое мы стремились организовать.

Наша кафедра управления человеческими ресурсами института СФУ под руководством Ирины Петровны ВОРОНЦОВОЙ каждый год выпускает бакалавров и магистров. Многие из них были на конференции и получили возможность увидеть всё многообразие инструментов и практик современного HR. Очень значимо, что они смогли наблюдать практические возможности применения того, что им рассказывают на лекциях, задать вопрос, выбрать себе место работы, захотеть научиться чему-то более глубоко. Важно создавать преемственность, когда студенты учатся у опытных управленцев, поэтому мы дали возможность выступить не только приезжим «звёздам», но и своим сильным мастерам управления человеческими ресурсами. Так, к примеру, на конференции говорилось о красноярском опыте набора десятков высококвалифицированных сотрудников одновременно, об использовании социальных сетей и искусственного интеллекта при подборе персонала. Рада, что у нас есть очень профессиональные HR и BP, которым есть чем поделиться, которые путём проб и ошибок находят оптимальные решения и выводят свои компании в лидеры рынка.

Текст _ Анна СОБОЛЬ

«Мы должны душевно, самоиронично и налегке **подойти к новой истории Красноярска»**

Про что наш город? Чем он отличается от сотни городов России, где его душа и в чём туристический потенциал? Об этом раздумывают дизайнеры, художники, маркетологи, туроператоры, об этом говорили и на XV Красноярском экономическом форуме. Мы побеседовали о Красноярске с Ильёй СУРАЕВЫМ, директором агентства развития медиагруппы «Прима» и путешественником — о том, зачем нужно делать пешеходные переходы для сусликов, как Тбилиси и Екатеринбург завоёвывают сердца путешественников и какая польза от самоиронии.

— Любой ли город должен быть туристическим?

— Любой город должен быть привлекательным, неважно для кого — для туристов, для инвесторов, для бизнеса, для потенциальной миграции. Туризм — это одна из составляющих. Город точно должен иметь то, что называется у маркетологов «бренд города», и ещё шире — набор неких элементов, визуальных и не только, которые помогают увидеть его лицо.

Я, например, хочу открыть где-то свой бизнес, мне не важно, крупный город или мелкий, я смотрю, насколько город мне привлекателен, насколько у него платёжеспособная аудитория и так далее.

Есть и обратная сторона. Мы же понимаем, что есть чёткое деление на туризм и путешествия. Туризм — это когда люди едут в отпуск, в том числе по путёвкам. Но за последние пару десятилетий мир стал максимально открытым и удобным, резко выросло число самостоятельных путешественников, в том числе из России. Они готовы ехать в любые, даже самые отдалённые города, и им не важно, обладают они или нет туристическим потенциалом, им просто по кайфу изучать мир. Но и для этих людей город должен быть привлекательным, удобным и понятным.

— Мне кажется, что когда мы знакомимся с городом, мы хотим познакомиться с чем-то непохожим на то место, где мы живём. Например, Владивосток, Владимир или Казань очень отличаются от Красноярска. Выходит такая многолика Россия.

— Не на все сто процентов с тобой соглашусь. У меня с друзьями есть традиция: в мае мы уезжаем в какой-то российский город и изучаем его. Миллионники прежде всего. И нужно сказать, что некоторые российские города обладают очень ярким и узнаваемым лицом. Это, безусловно, Калининград, Владивосток, Питер, Казань. Но большинство городов безликие. Ты приезжаешь в город и понимаешь, что на центральной площади будет стоять типовое здание администрации, памятник Ленину, будет развешана одна и та же реклама Билайна, Мегафона и МТС с НАГИЕВЫМ и УРГАНТОМ, будут типовые мосты и кинотеатры, которые строили в советское время. Давай возьмём Челябинск. Какой с ним есть ассоциативный ряд?

— Трубы, заводы.

— Когда я приехал в Челябинск, я убедился, что город не такой. Там есть большая пешеходная улица, музей челябинского метеорита и так далее. Это опять вопрос к тому, что каждый город имеет свои фишки, но они не проговорены, поэтому найти различия в голове обывателя между условно Салехардом и Мурманском навскидку сложно.

— У Иркутска и Томска есть козыри в рукаве — деревянное зодчество. У нас люди могут сходить в заповедник «Столбы», поесть в «Булгакове» сугудай и сказать: «Какой крутой Красноярск». Но это не будет про город. Есть у Красноярска лицо?

— Мне кажется, что это некое наше шаблонное мышление. Попробуйте показать американцу Столбы после Гранд Каньона, он скажет «да, красиво», но эффекта «вау» у него не будет. К тому же есть Ленские столбы, в Свердловской области есть столбы, ещё много где.

Есть менее очевидные фишки, которые являются нашими изюминами. Приведу пример, который случился в нашей жизни год назад. Мы в очередной раз думали, как продвигать наш любимый фестиваль «Зелёный», которым занимается команда «Примы». Мне в социальных сетях много раз попадался пост про острова в Японии, на которых живут тысячи котов. И я предложил посмотреть на город через остров Татышев, где живёт почти пять тысяч особей сусликов. Для нас это привычное дело — ну, суслики. На самом деле, когда начинаешь другим рассказывать про пять тысяч сусликов, которых можно кормить, которые ручные, бегают и ничего не боятся, люди говорят: «Да ладно!» И мы решили использовать эту фишку. Установили пешеходный переход для сусликов, со специальным знаком, со светофором. У нас был колоссальный охват по федеральным СМИ, которые написали про это новость. Счёт людей, которые про это узнали, шёл на миллионы. То есть простая деталь, которой мы не придаём значения, получается лицом города. Я уверен, что многие люди, если они вдруг запланируют визит в Красноярск, поставят себе в программу пункт «посмотреть остров Сусликов».

Надо заняться вычленением дополнительных смыслов, а все крутятся вокруг очевидных вещей. Енисей впечатляет, безусловно. Часовня — окей, красиво, на десятке она есть. Но нет человека, который бы сформулировал дополнительные, «фишечные» смыслы.

Когда мы делаем что-то для сайта «Город Прима», то придумываем новый нейминг, например. «Беличьи тропы в Академгородке», «Утиная заводь под Вантовым мостом». Эти маленькие изюмины могут и должны формулироваться.

— А какова роль городских сообществ в развитии города?

— Приведу пример: в Екатеринбурге развито современное искусство. Например, человек из Красноярска урвал дешёвый билет в Ебург у «Победы» за тысячу рублей. Он гуглит, что посмотреть в Екатеринбурге. Понятно, что ему выпадет информация про базовые достопримечательности, потом пойдут кафе и рестораны, но также у него вылезет масса информации о том, где посмотреть гигантскую клавиатуру, крутые граффити и так далее. Сообщество граффитистов задало ещё один вектор позиционирования города на российском уровне. Для меня Ебург — это одна из столиц современного уличного искусства.

Я всё ношусь с темой, что рано или поздно у нас должен выстрелить сибирский дизайн. Мне нравится то, чем занимаются молодые ребята на «Каменке», работы, которые они делают, причём в разных жанрах — канцелярия, одежда, украшения. Каждый делает своё, но на самом деле это всё связано единым духом, это сибирский дизайн, он дикий, там много натуральных материалов, он отражает философию региона. Это может стать такой же фишкой, как скандинавский дизайн, который все знают.

— Если мы говорим про тот Красноярск, который есть сейчас, чем он может быть привлекателен не красноярцам?

— Сложный вопрос. Последние несколько лет я вижу, как многие лучшие умы города пытаются сформулировать, про что мы, какие у нас есть базовые ценности, и как это может вылиться в бренд города. На эту территорию пытается зайти и Министерство культуры, и отдельные очень хорошие дизайнеры. Мне, например, очень нравится проект Николая ИВАНЕНКО про Енисей, вокруг которого строится айдентика.

Здесь вот какая штука: никто не знает, где и что выстрелит. Есть классический пример, знаменитый «Эффект Бильбао». Какой-то затрапезный, не первой значимости испанский город построил совершенно прорывной музей, и музей стал стержнем для развития города. Туда поехали туристы, там выросли экономические показатели, благоустройство стало лучше и так далее. Но, кажется, больше никто не смог повторить этот эффект. То же самое со смыслами и айдентикой, с тем, на чём может строиться крутизна нашего города. Нужно проводить мероприятия, рисовать какие-то макеты, бренды, и однажды что-то из этого выстрелит, станет «нашим».

— То есть сейчас идёт период поисков, про что наш город вообще?

— Да, период поисков. Мне кажется, что проблема в том, что мы ищем немножко не там. Мы опять же берём очевидные вещи и каноны, базовые достопримечательности. Я вспоминаю, как несколько лет назад дизайнер Игорь ШПЕХТ просто ради фана в соцсети придумал проект брендинга Красноярска, выстроенный на разбитых дорогах. В соцсетях тема получила огромное количество репостов, все поняли, что это крутая шутка.

ШПЕХТ пошёл от обратного, сказав, что Красноярск — это город разбитых дорог. На въезде могло быть «Добро пожаловать в город разбитых дорог!». Футболки, флаги, айдентика... Я бы искал идеи где-то в альтернативных направлениях, потому что очевидные вещи не находят отклика.

— Может, не выстреливает, потому что часть людей не считывает иронию или самоиронию, заложенную в этих новых историях про город? Например, как в проекте ПЕРЕКОТИЯ «Россия вокруг нас», где в основе — красная корона. Было много критики и неприятия. Мы же «острог на Енисее», у нас тут купечество. Краеведческое бессознательное, как я это называю, блокирует самоиронию.

— Проблема в том, что мы серьёзно подходим, не можем расслабиться. Да давайте нацепим все красную корону! Мы должны душевно, самоиронично, налегке подойти к новой истории.

— Если вернуться к туризму. Что вообще должно быть в городе, чтобы он был привлекательным для туристов?

— Лицо города строится из совершенно разных вещей. Понятно, что когда мы говорим «Лондон», возникает ассоциативный ряд в виде Биг-Бена, красных автобусов и чего ещё? Какие у тебя ассоциации?

— Медвежонок Паддингтон.

— Но когда ты приезжаешь, ты начинаешь улавливать массу бытовых деталей, которые в этот брендинг никогда не попадают. Например, надпись на асфальте «посмотри направо» и «посмотри налево». В Лондоне левостороннее движение и, видимо, количество людей, которые привыкают не туда смотреть, потребовало такого решения. И ты настолько часто видишь эти стрелки, что они становятся его символом. А ещё указатели, навигация, форма лавочек... Может, только я обращаю на это внимание, но мне кажется, что мелкие детали делают город понятным, обрисовывают, про что он.

Я прилетел в Таллин, а там совершенно прекрасный аэропорт. Ребята понимают, что они не могут позволить себе амбиции а-ля наш аэропорт, где «Енисейская Сибирь», где всё — фотки Столбов с квадрокоптера и полотна Сурикова — говорит: «О, вот это махина!»

— Мы очень величественные в аэропорту.

— Очень. Но Таллин не может этим взять, поэтому там сделали аэропорт домашним. Там ковры, мебель домашняя, цветы, детские комнаты, телевизоры, можно полежать в креслах. Ты попадаешь в уютную домашнюю атмосферу — они берут этим. Из аэропорта я иду в этот город как к себе домой. Это очень крутая и понятная история.

«

Или ещё пример. В Тбилиси есть общественный городской вайфай, знаешь, как он называется? «Тбилиси любит тебя». Или у них была акция на паспортном контроле: ты проходишь контроль, и тебе дарят бутылочку красного грузинского вина. Я не знаю, кто у нас в городе должен этим заниматься.

»

— Да, это был мой следующий вопрос. Кто этим должен заниматься? Сверху насадить такое нельзя, не работает.

— Наверное, малые сообщества, я в это верю. Безусловно, бизнес к таким вещам должен внимательно подходить. Потому что те фишки, которые я описывал, они во многом про бизнес.

В плане туризма не очень понятно, какие у нас перспективы. Не будем питать иллюзий: где нам тягаться с Иркутском, у которого есть Байкал? Возможно, у нас будет развит событийный туризм. Это могут быть и нишевые вещи. Мне нравится пример со «Спортэксом», который, правда, сейчас немного подсдулся. А когда он только появился, это была очень мощная история. Это ведь один из первых в стране центров экстремальных видов спорта, огромный. Экстремальщики со всей страны люто обзавидовались, что у нас эта история появилась.

— Мне нравится история музея «Коломенская пастила». Небольшая группа девушек возродила старые местные рецепты пастилы, вложила силы, труд и деньги, чтобы сделать крутой душевный музей. Я бы за такой историей поехала в Коломну.

— Да, ты начинаешь читать про какой-то город, и чем больше таких якорей, мелких удивлялок, тем больше у тебя зацепок, почему ты хочешь туда поехать.

— Или, например, в Екатеринбурге есть фотографический музей «Дом Метенкова». Там команда делает редкую для наших регионов вещь — арт-резиденции «Новые истории Екатеринбурга». Кураторы приглашают художников со всей страны, которые живут в Екатеринбурге какое-то время, проводят свои локальные исследования и потом показывают итоги в виде выставок, инсталляций, арт-объектов и прочего. Прекрасный ход — позвать людей из других регионов, чтобы они взглянули на родное не замыленным взглядом и вычленили неочевидные смыслы про место.

— Знаешь, я понял, чего ещё не хватает. Это вопрос к студентам, которые занимаются исследованиями, к социологам и так далее. Не хватает цифр и хороших исследований про город. Например, я вижу статистику, что по количеству заведений общепита мы вторые после Питера. Исследователи получили цифры, маркетологи и бизнес ухватились за них, и мы получаем Красноярск как гастрономическую столицу России. Натуральные продукты из тайги, енисейская рыба, старинные рецепты.

До меня доходят обрывочные сведения, что студенты составляют какие-то ментальные карты Красноярска, это очень интересно, но не хватает публичности, ребята должны понимать, что их работа не заканчивается презентацией курсовой или дипломной работы в вузе. Исследовательскую работу смело можно нести в массы.

Разработанный Владимиром Перекотием бренд города

Текст _ Татьяна ПЕТРОВА

Город в твоей голове

Чем больше красивых мест появляется в Красноярске — верхняя терраса набережной, Каменка, площадки Татышева, тем чаще бросаются в глаза неухоженные закоулки и облезлые углы, на которые раньше просто не обращал внимания. Может, это и есть пробуждение той самой осознанности, о которой говорят в Институте «Стрелка»?

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» был основан в 2009 году. Цель его образовательно-просветительской деятельности — изменение облика российских городов и создание в них комфортной среды. Организация пытается формировать новые ценности, поддерживает инициативные проекты в сфере городского развития. Здесь есть несколько образовательных программ для специалистов, а также публичная программа с лекциями, дискуссиями, воркшопами и кинопоказами для всех, кто хочет разобраться в теме городского развития. Год назад институт вышел за пределы столиц и отправился в регионы. Красноярск стал на сегодня самой восточной точкой этого путешествия: в конце апреля у нас в городе прошла шестая по счёту после Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Саратова, Белгорода и Калининграда Неделя «Стрелки».

О том, почему важно разбираться в городском строительстве, механизме перемен, роли жителей в преображении городов, мы поговорили с Софьей СОБОЛЬ, директором региональных программ «Стрелки», а также с партнёром КБ Стрелка Александрой СЫТНИКОВОЙ, курирующей благоустройство первого этапа красноярской набережной, которую жители уже могут оценить.

— Софья, расскажите о миссии «Стрелки». Зачем создавался Институт и какова прямая связь между просвещением и уютным городским пространством?

— «Стрелка» нужна для изменения мышления людей. Мир развивается всё быстрее, технологии трансформируют окружающую действительность, люди играют большую роль в этом процессе, вот только образ мыслей часто не успевает за таким темпом. «Стрелка» как институция предлагает смотреть шире, на все 360 градусов, думать по-другому. Например, воспринимать город как пересечение многих сфер и дисциплин, где люди разных профессий, будь то художники, разработчики, рестораторы или градостроители, готовы создавать проекты вместе. Городское пространство становится комфортным и уютным, благодаря людям, которые в нём живут. Человеческий капитал — самое ценное, что есть у страны. Ведь города меняют не мэры и не их заместители по транспорту или строительству — это делают сами люди. Очень важно, чтобы у горожан начал формироваться запрос на изменения.

— Но как можно повлиять на материальную сторону дела? Как менять среду, если для этого нет денег, ресурсов?

— Люди принимаются искать комфортную среду — и бизнес начинает на это реагировать. К примеру, на центральной улице вдруг появляется третье место — кофейня, галерея, библиотека, которая выделяется на фоне остальных фасадов: с террасой, столиками, необычными фонарями, хорошей музыкой внутри. У других мест на улице, особенно соседей, начинается цепная реакция: «мы не хуже». Людям хочется меняться, становиться лучше. И важно, чтобы в городе появлялись такие активные жители, которые не боятся брать на себя ответственность менять среду вокруг.

— «Стрелка» ищет таких людей?

— И объединяет. У «Стрелки» есть единомышленники по всей России. Мы находим классные проекты, знакомим друг с другом, приглашаем выступить с лекциями в рамках публичной программы, пишем о них в Strelka Mag (онлайн-журнал о современных городах), рассказываем об их опыте в курсах онлайн-школы Vector, чтобы эти инициативы были полезны не только в своём городе, но и в других.

Один из таких проектов — культурный центр TEXTIL в Ярославле, созданный силами двух энтузиастов в 2013 году. Искусствовед Юлия КРИВЦОВА и архитектор Сергей КРЕМНЕВ договорились с администрацией завода об использовании помещений бывших хлопковых складов Ярославской мануфактуры, где они сделали общественное пространство для мероприятий внутри и во дворе. Здесь TEXTIL устраивает события для горожан: большие совместные обеды, лекции, маркеты и детские фестивали. Фандрайзингом привлекаются деньги, налаживаются партнёрские отношения с местной администрацией, бизнесом и сообществами по соседству. В 2015 году культурный центр TEXTIL и компания «Ярославские краски» запустили проект «Человек красит город» в микрорайоне Красный Перекоп на окраине Ярославля. В рамках проекта жители района вместе с профессиональными художниками превращали стены домов, вентиляционные шахты и канализационные люки в новые достопримечательности города.

Ещё один интересный проект с вовлечением жителей, о котором в Красноярске рассказал его создатель Андрей КОЧЕТКОВ, — «Том Сойер Фест», фестиваль восстановления исторической среды. В 2015 году в Самаре команда энтузиастов начала восстанавливать старые дома, возвращая им жизнь и цвет. Целое лето волонтёры красили и шкурили стены под присмотром профессиональных строителей и реставраторов, чтобы доказать местным жителям, что их дома — не претенденты на снос, а часть городской истории. Сегодня спасением исторических фасадов занимаются волонтёры в Саратове, Казани, Томске, Калуге и многих других городах. На счету фестиваля уже 29 восстановленных зданий. Кстати, этим летом фестиваль пройдёт и в Красноярске.

— Восстановление деревянных домов-памятников — тема актуальная для Красноярска, но здесь покраской фасадов не ограничишься...

— Не спорю, в Красноярске, как и в Саратове, реставрация деревянной архитектуры требует определённого количества вложений, но если в Самаре сохранилось 140 кварталов подобных зданий, то в Красноярске практически всё разрушено. Активисты работают с теми домами, которые подлежат восстановлению и жители которых не против поучаствовать в проекте. Эти маленькие оазисы городской ответственности очень важны. Сначала люди принимают участие в формировании облика города, привлекая внимание к той ценности, которой обладает сибирская деревянная архитектура. Мы сейчас ездим по Красноярску и видим всюду «шанхайскую рекламу»: всё завешено, не видно, что за ней находится. Этот визуальный шум очень мешает восприятию пространства, мешает почувствовать город, наследие, которое сохранилось и которое вот-вот исчезнет навсегда. На лекциях мы показываем примеры других городов, чтобы жители и администрация в том числе задумались, какие меры должны быть приняты в их городе.

— Почему вообще обычные люди должны интересоваться вопросами развития городской среды? Зачем им разбираться в этом?

— Это даёт каждому некую уверенность в завтрашнем дне — в том, что завтра он будет жить в комфортных условиях, в дружелюбном окружении. Мы сейчас сталкиваемся с огромной миграцией из всех городов России в центр, в столицы, и страна очень централизована. Но важно, чтобы люди хотели оставаться у себя. Потенциал в регионах, возможности на местах должны быть не меньше, чем в центре. Я не говорю о моногородах, где объективно иная ситуация, но Новосибирск, Красноярск, Екатеринбург — их жители должны понимать, что значит благоустроенный город и как их родина может измениться в лучшую сторону в течение 5—10 лет.

Вот, к примеру, все знают, что у нас большая проблема с транспортом, но никто толком не понимает, что с этим делать. Если люди начнут говорить о транспортной проблеме, городских недостатках, это поможет сформировать общественный запрос. По сути, у нас нет привычки вести такие разговоры, к своему городу обычно проявляют большое безразличие. Это пошло ещё с советских времён, когда всё было типовым. Но сейчас у всех разные запросы к среде обитания, и

«Том Сойер Фест» в Саратовской области. Летом он пройдёт и в Красноярске

Вариант оформления Гвардейского парка в Красноярске

чтобы понять, как достичь большего уровня комфорта, надо об этом думать, формировать запрос.

Я уверена, что 70% горожан даже не знают, что могут принимать участие в общественных слушаниях по проектам благоустройства. Думаю, мы сейчас находимся в самой начальной стадии: только учимся ответственному потреблению. А результат получим лет через десять.

— Как институт подбирает экспертов?

— Эксперты для нас — это профессионалы, которые не просто изучают и исследуют ту или иную сферу городского развития, но и инициируют собственные проекты, то есть действуют. Программа Недели «Стрелки» формируется на основе нашего собственного исследования, мы выбираем, на наш взгляд, самые важные и дискуссионные темы для города. То есть каждая Неделя «Стрелки» уникальна. Сначала мы приезжаем в город в короткую исследовательскую поездку, всегда на разный срок. Знакомимся с архитекторами, активными горожанами, деятелями искусства и медиа, спрашиваем, что они хотели бы изменить. После этого формулируем гипотезы, темы для разговора. В Красноярске в этом году ими стали транспорт, сообщества, деревянная архитектура. Затем стыкуем выбранные темы с федеральной повесткой. Например, сейчас в России идёт работа над большой программой, которая должна обновить советские СНИПы жилищного строительства. Это будет актуальной темой, люди только начинают об этом говорить.

— Транслируются ли в Красноярске проекты из других городов?

— Конечно. На этот раз — «Том Сойер Фест» из Самары, издание Downtown из Воронежа. О транспорте рассказывала Даша ТАБАЧНИКОВА — советник по велотранспорту вице-губернатора Санкт-Петербурга, создатель проекта «Велосипедизация Санкт-Петербурга». Этот опыт можно использовать. Но под копирку, конечно, ни один проект не пишется. Можно вдохновиться чужими примерами и придумать что-то новое.

— Какой проект у вас любимый?

— Очень люблю проекты Екатеринбурга. Например, одна девушка делает там украшения Chu Ka Brand по мотивам конструктивизма, развивая бренд города. Или, к примеру, Белая башня в районе Уралмаша. Она стояла заброшенной, но потом группа архитекторов превратила её в образовательно-развлекательную площадку. Интересно, что башня находится на самой окраине, но стала центром притяжения людей.

Заслуживает большого уважения иркутский проект, культурный форум «Байкал-Тотем». Его инициаторы борются за преображение в культурное пространство бывшего Байкальского ЦБК, который стоит на берегу озера.

Из последних медиапроектов очень интересен «Челябинский урбанист» — канал, который ведёт один из жителей. Он весело рассказывает о разных городских нелепостях: неправильно установленных переходах, заборчиках. Постоянно тормошит власти, взаимодействует с горожанами, не жалеет тратить на это время.

Александра Сытникова — архитектор, партнёр КБ «Стрелка»

О Красноярске

— Честно говоря, я не вижу в Красноярске очевидных проблем, которые не решаются. Даже экологический ущерб можно минимизировать — надо продолжать двигаться маленькими шагами в этом направлении. Красноярск — город больших возможностей. Во-первых, он огромный, и здесь живёт много «осознанных», неравнодушных горожан. Это показывают и наши предварительные исследования, и лекции. А это и есть потенциал города.

«Стрелка» помогла спроектировать для Красноярска набережную, Гвардейский парк. Надо завершить работу по ним и затем уже думать о новых идеях. Создавать проекты — это одно, главное — как это реализовать.

О «воспитании» населения

— Пока что красноярцы недоверчиво относятся ко всем проектам, мы это видим. Преодолеть недоверие можно только качественно реализованными проектами, нужна массовая командная работа. В принципе, недоверие свойственно всем россиянам, но в Красноярске такие настроения чувствуются особенно. От этого в городе сложнее, но и интереснее, азартнее работать.

Сейчас уже невозможно что-то изменить в городе без общественного обсуждения, это закреплено законодательством. Но далеко не каждый находит время, чтобы прийти на публичные слушания. Однако нужно уделять часть своей жизни общественным делам, преодолевать свою занятость, приходить, высказываться. Очень важно уметь формулировать свои мысли. У нас здорово получается критиковать, но не очень удаётся с конструктивными предложениями. Следует учиться вести диалог, а для этого повышать собственный образовательный уровень по вопросам городского благоустройства. И здесь нагрузка ложится на общественные институции, такие как «Стрелка», которые должны популяризировать свои программы и создавать дискуссионные площадки.

О центре и окраинах

— Понятно, что вначале благоустраивается центр, знаковые места города, куда в первую очередь приезжают гости, где часто бывают жители. Но постепенно фокус начинает смещаться на периферию. К примеру, в Москве первый этап уже позади, и идёт движение «от центра». Нужно поднимать вопросы благоустройства общественных пространств не только на главных улицах, но и в спальных районах. Невероятный успех, например, у проекта, реализованного в отдалённом от центра районе Кемерова.

Что касается районов многоэтажек, да и спальных районов в принципе, то сейчас Минстрой России, ДОМ.РФ и КБ «Стрелка» разрабатывают Принципы комплексного развития территорий. Строить каменные джунгли — это преступление, и люди сегодня перестают покупать просто квадратные метры, как 10 лет назад, они покупают среду. Для осознанных горожан становится важнее чистый подъезд, красивый двор, уютный сквер рядом с домом.

Правила хорошей общественной среды едины для проектов благоустройства в любом городе мира. Но есть при этом и специфические моменты, отражающие местные культурные сценарии жизни.

О транспортном вопросе

— Понятно, что в холодном сибирском и красноярском климате личный автомобиль — это очень удобно. Но альтернатива существует. Например, в Якутске климат намного более суровый, личные автомобили просто не заводятся. И власти в итоге создали хорошо работающую систему общественного транспорта: автобусы регулярно следуют по своим маршрутам, тёплые остановки оснащены видеокамерами — можно, не выходя на улицу, увидеть, подошёл ли нужный автобус.

В Москве работает скоростной общественный транспорт: автобусы идут по выделенным полосам чётко по расписанию, и каждый пассажир может отследить их перемещение по мобильному приложению. Очень многие в итоге пересели с личных автомобилей на маршрутки.

Когда речь идёт о транспортных переменах, дело не в сложном устройстве города, которое якобы мешает освободить полосы для общественного транспорта. Это люди сложно устроены! Все настройки находятся у нас в головах. Звучит банально, но это так. И как только мы перенастраиваемся сами, мы перенастраиваем среду, в которой живём.

Текст и фото _ Галина ДМИТРИЕВА

Благоустройство как оно есть

Чтобы объективно оценить качество городской среды в Красноярске, совсем не обязательно ехать куда-нибудь на окраины. Достаточно побывать в самом сердце города — на Стрелке. И потом пройти хотя бы до улицы Вейнбаума. К сожалению, увидеть там можно многое, чего видеть совсем не хотелось бы. Особенно помня о приближающейся Универсиаде.

Начнём с улицы, гордо носящей имя основателя нашего города — Андрея Дубенского. Вот уже лет двадцать главным её украшением служит дощатый забор, заклеенный рекламой типа «аренда офисов» и «займы под залог» (фото 1). Вполне цивилизованный тротуар, идущий с улицы Белинского, в этом месте, разумеется, обрывается (это, кстати, у нас обычная практика, достаточно вспомнить забор-старожил на Молокова близ башни Ванкорнефти).

Но пойдём дальше. Спуститься с террасы улицы Дубенского в сторону центра можно при помощи нескольких лестниц. Но здесь надо не ошибиться с выбором. Вполне капитальная, а значит и одобренная «свыше» лестница, может привести совсем не к пешеходному тротуару, а прямиком на газон вдоль достаточно оживлённой автомобильной дороги (2). Конечно, в сухую погоду особых проблем не будет. А вот в дождь...

Впрочем, это тоже обычное дело. И ещё не самое вопиющее. Допустим, вы пришли на место, откуда и начинался Красноярск. Здесь вас встретят башня, своим фасадом отражающая небо, грандиозное здание Большого концертного зала, величественная статуя командора и даже триумфальная арка. И, конечно, летящая конструкция вантового пешеходного моста, что так и манит прогуляться на остров Татышев.

Если поддаться искушению и, зайдя на мост, оглянуться, то можно с удивлением обнаружить, что фоном всему этому великолепию (дворцам, аркам и командорам) служат облезлые стены и такие же облезлые металлические ворота (3). Это если смотреть левее. А если правее, в сторону арбитражного суда (4), то там в наличии ещё и заборчик с сараюшками, где впору кур разводить или даже кабанчиков (а может, и разводят?)

Но всё это меркнет рядом с территорией, что узкой полосой тянется вдоль дворов пятиэтажек на улице Ленина к западу от Института искусств. Спуститься к ней можно при помощи нескольких лестниц (5). Одна из них даже оборудована пандусом и перила имеются (местами). Остальные лестницы в зимний период могут с успехом использоваться любителями экстрима для эффективных тренировок.

Зато когда после преодоления препятствий попадаешь в промежуточное пространство между дворами на улице Ленина и жилой застройкой ярусом ниже, понимаешь, что оно того стоило. Просто какая-то планета Кин-дза-дза, только в плотно заселённом варианте. Уходящие в бесконечность погреба с изящными грибочками над вентиляционными трубами, разрушенные временем колоритные бетонные и кирпичные стены, выразительные в своей грубой правдивости гаражи, часть из которых уже нельзя использовать по назначению из-за отсутствия подъезда. А некоторые просто вросли в «культурный слой» годами накапливаемого здесь мусора.

При этом сразу за сквозным забором можно видеть стерильную территорию школы, составляющую энергичный контраст с картиной запустения. Конечно, контраст — сильнейшее средство художественной выразительности. И, возможно, ежедневно наблюдающим его студентам Института искусств это как-то помогает в приобретении навыков художественного восприятия реальности. Но, к сожалению, это фантастическое место для какой-то надобности посещают и ученики школы (6). Для какой?

Конечно, всё это за «фасадом», на территории, куда ещё не ступала нога благоустроителя. Но что же сама улица Ленина на участке от Каратанова до 9-го января? Надо сказать, что в неё уже вложены определённые деньги по устройству так называемой тактильной дорожки для слабовидящих. Но, похоже, укладывать её начинали, даже не взглянув на то, с чем придётся столкнуться уже метров через десять. Вот и получилось, что дорожка для слабовидящих упирается в выползшее на середину тротуара необъяснимо

5

6

широкое, но низенькое крыльцо (7). Его и замечтавшийся зрячий может вовремя не заметить.

Всё это можно объяснить только тем, что работы по так называемому благоустройству у нас зачастую делаются вообще без какой-никакой проектной документации. Пусть даже в виде простого листа бумаги с почеркушками специалиста. При этом территория может быть совершенно любая. И даже очень для города знаковая.

К сожалению, никакая «знаковость» не заставляет собственника брать во внимание вопросы эстетики — ему ближе сугубо утилитарный подход. Примером может служить территория, примыкающая к городской администрации, федерации профсоюзов и деловому центру «Европа». Площадка эта по всем признакам — самый настоящий задний двор, несмотря на всю респектабельность обозначенных учреждений. Только гаражей и стаек не хватает.

Конечно, машины куда-то ставить надо. Но разве им там место? Может, пора их загнать под землю, а площадь как-то облагородить низкорослой растительностью с поверхностной корневой системой? А не стыдливо загораживаться совершенно не уместными там лиственницами (8). И, может, туда, поближе к одноимённому деловому центру, переместить Европу, которую умыкнул бык-Юпитер, совсем не подумав, где же он её пристроит в суровой сибирской действительности. На Предмостной площади на эту бедняжку просто больно смотреть.

Если уж говорить о монументах, то на Предмостной была бы уместна скульптура, напоминающая о когда-то мощном, а ныне ушедшем в небытие предприятии, на котором обычные самолёты приспосабливали к условиям Арктики, а потом ремонтировали суда. Завод носил имя Григория Побежимова, бесследно пропавшего при перелёте в Америку через Северный полюс. Разве не стоит сохранить память об этом герое?

Но вернёмся к благоустройству. Всё перечисленное — лишь малая часть тех «красот», что можно обнаружить, прогуливаясь по центральным улицам. Что уж говорить об улицах нецентральных. Там благоустройство вообще понимается по-своему. Чего стоят одни вездесущие заборы (9, 10). С чьей подачи они устанавливаются?

Понятно, что профессионалы-архитекторы к этому отношения не имеют. Впрочем, к чему они у нас нынче имеют отношение? Даже если им и заказывают проект, то это совсем не значит, что он не будет радикально «исправлен» в ходе реализации.

Например, сейчас прошёл первый этап проектирования восемнадцати скверов. Архитекторы подошли творчески, показали много хороших проектов, но когда дошло до рабочей документации, выяснилось, что сквер, независимо от его величины, должен обойтись не более девяти миллионов. В каком-то случае это реально, но в каком-то — даже браться не стоит.

И есть опасение, что начавшаяся кампания по благоустройству Красноярска с выделением федеральных денег тоже пойдёт по этому пути. Очень бы не хотелось, особенно в ожидании гостей, которые нагрянут меньше чем через год.

7

8

9

10

Уличные художества и хулиганства

Уличные художники есть в каждом городе. Они оставляют свои произведения на заборах, на стенах подземных пешеходных переходов, домов, трансформаторных будок. Ещё ни один вид искусства не воспринимался так противоречиво. Уличное искусство — оно напоказ, от него не скроешься, оно подчас «вырви глаз» и «взрыв мозга», и если у одних горожан яркие броские каракули и символические послания вроде «здесь был Вася» не вызывают никаких эмоций, то других отчаянно раздражают. Конфликты вкусов решаются по-разному. Где-то произведения уличных художников просто закрашивают, где-то с их помощью решают проблему «серой расцветки» городских улиц.

О развитии искусства в городской среде шла речь на молодёжной площадке Красноярского экономического форума в этом году. Экспертом выступал продакшн-директор Музея уличного искусства Александр МУЩЕНКО (г. Санкт-Петербург).

Для Красноярска тема чрезвычайно актуальна. Ещё свежо в памяти событие, потрясшее горожан: год назад вандалы нанесли граффити на цветное панно, украшавшее фасад бывшего кинотеатра «Родина» (указанная мозаика из речной гальки включена в реестр краевых памятников). В то же время в нашем городе уже несколько лет с успехом проходит фестиваль граффити «Fat Cap Jam», и лучшие работы его участников даже «засветились» в российской прессе (например, граффити с «доброй бабушкой, вяжущей на спицах», на фото).

СПРАВКА

Как явление в культуре уличное искусство стало формироваться в начале XX века. Во многом это было связано с усталостью художников от гнёта каких-то институций — галерей, музеев, частных коллекционеров. Назрело желание реализовывать проекты, неподконтрольные кому бы то ни было.

Вкус свободы

Уникальность Музея уличного искусства в Санкт-Петербурге в том, что находится он на действующем производстве — заводе слоистых пластиков. С 2012 года на стенах цехов этого предприятия создают свои творения ведущие уличные художники России и мира. Этот музей — единственное в стране культурное учреждение, которое профессионально занимается изучением уличного искусства и поднимает вопросы об отношении зрителя к объектам искусства в городской среде, о месте этих произведений в городе и вообще о смысле и назначении данного вида искусства.

— Каждый год наш музей собирает художников, мы отдаём им 5 тысяч квадратных метров стен. Они рисуют, мы всё документируем, затем выпускаем каталоги уличного искусства в бумажном и электронном виде, — поясняет Александр Мущенко. — На следующий год приглашаем куратора другого проекта, а всё старое закрашиваем. Приезжают новые мастера и воплощают самые смелые идеи. Мы как галерея, только там холсты снимают, а мы работы закрашиваем.

— В чём видите миссию своего музея?

— Мы пытаемся доказать важность уличного искусства как коммуникационного инструмента между городом, его жителями и государством. Это не просто декоративно-оформительская деятельность, которая должна радовать наш глаз и камеры наших телефонов, а инструмент для коммуникации. Хорошо, когда появляются работы, поднимающие какой-то вопрос, проблему, изменяющие архитектуру и т.д.

Я воспринимаю уличное искусство не просто как элемент изменения среды, скорее как реакцию. Оно может нравиться и не нравиться, но если реакция имеет место — это говорит о том, что есть позитивные изменения в обществе.

Художники, выходя на улицу ночью, что-то пишут на фасаде. Да, они его портят — но портят гораздо меньше, чем сотни квадратных метров рекламы. Если мы хотим, чтобы горожане были неравнодушны к городской среде, должны принимать различные проявления этой неравнодушности. Только тогда возможен диалог, а сейчас зачастую — просто безразличие.

— Не угнетает мысль, что судьба уличного искусства — жить недолго?

— Оно вообще эфемерно, это искусство. Тем не менее в последнее время в мире происходят процессы, связанные с осознанием важности стрит-арта. Недавно в Нью-Йорке за граффити, закрашенное на культовом здании раньше времени — за 10 месяцев до сноса — группа художников отсудила у компании-застройщика несколько миллионов долларов. Вот на таком серьёзном уровне в Нью-Йорке были признаны авторские права за художниками, которые нелегально сделали свои проекты в городе. Понятно, что нам до такого уровня ещё далеко. К сожалению, именно с точки зрения законодательства в России пока нет понятных прозрачных механизмов появления искусства в городской среде.

Созидающее начало

Успешный мировой опыт выхода искусства на улицы основывается на примерах, когда государство отдаёт какой-то район художникам, предоставляет им определённую свободу, но с условием, что за пределы отведённого участка — ни ногой! И как показывает практика, вслед за уличным искусством изменяется вся инфраструктура района. Это можно проследить и на примере развития Музея уличного искусства в ранее не совсем благополучном Красногвардейском районе Санкт-Петербурга.

— Мы открылись в 2012 году. Организуя выставки на актуальные темы, стали привлекать в Красногвардейский район большое количество людей. Например, проводили выставку, связанную с российско-украинской тематикой, когда были задействованы художники обеих стран; делали экспозицию «Вспомни завтра» (о видении ближайшего будущего). В 2017 году темой стало 100-летие Революции. Посмотреть на наши экспозиции в прошлом году пришло более 50 тысяч человек. Хотя в этот район столько людей никогда в жизни раньше не попадало! — рассказывает Александр. — Теперь в районе открыт большой торгово-развлекательный центр (тоже не без искусства, там активна тема творческих индустрий, кластеров). Появляются библиотеки нового типа, интересные своими многофункциональными пространствами.

Сегодня по стране довольно много заброшенных предприятий бывшего СССР. Такие территории становятся зонами нестабильности, и их «серый пояс» проходит, как правило, через весь город. Я уверен, эта проблема актуальна для многих российских мегаполисов. Тот кейс, который мы реализовали в виде музея стрит-арта — один из вариантов изменения городской среды.

На всех одно небо

— Александр, каких проектов у вас больше — творческих или коммерческих?

— Осознанный выбор в пользу коммерциализации сделала Москва. Что касается Санкт-Петербурга, то это самый недружелюбный, с точки зрения уличного искусства, город — несколько его районов находятся под защитой ЮНЕСКО. Поэтому мы сделали очень удачный ход — создали музей стрит-арта и считаем принципиально важным отстаивать интересы художников и искусства, так что в наших проектах перевешивает творческая составляющая.

— При обсуждении вашей темы на КЭФ я услышала, что, дескать, не нужны сегодня в городском пространстве «устаревшие» визуальные напоминания о прошлых победах в Великой Отечественной войне, о достижениях в космосе. Человек убеждал (на полном серьёзе!), что в уличном искусстве надо идти вперёд не оглядываясь. Что вы на это скажете?

— Считаю, что проекты должны быть разными. И тема Победы, и память о ней тоже могут быть искусством. Мой товарищ, уличный художник, выполнил два года назад работу, посвящённую Дню космонавтики. На рекламных щитах он написал: «На всех одно небо». Эта работа была сделана нелегально. Очень философская, интересная, красивая.

Отношение к монументальному советскому искусству может быть позитивным или негативным, но есть всё-таки историческая ценность... Даже если я вижу в современных городах надписи «Ленин жил, жив и будет жить!», я понимаю — это наша история, и мы должны уважительно к ней относиться. Всех уличных художников призываю быть вдумчивыми и осознавать свою ответственность, ведь город — это общественное пространство.

Вера КИРИЧЕНКО